

THE PERCEPTION OF THE WORLD IN

MARINA TSVETAIEVA'S WORKS

A thesis

submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research

in partial fulfillment of the requirements

for the degree of

Master of Arts

by

Galina Bovy

Department of Russian and Slavic Studies

McGill University

1978

THE PERCEPTION OF THE WORLD IN MARINA TSVETAEVA'S WORKS

by

Galina Bóvy

A thesis submitted for the
degree of Master of Arts

Abstract

The present study will trace the main steps in the poetic development of one of Russia's most prominent poets, Marina Tsvetaeva. In her lifetime not appreciated according to her true worth, Tsvetaeva has now taken her rightful place among those few outstanding creators of spiritual values, who despite their complex and tragic times proclaimed the independence of the individual and of the individual's creative work, without the encumbrance of dogma of any shade. By building her own unique world on the basis of a search for truth, Tsvetaeva strove towards the very sources of life, and separated the spiritual and the eternal from the temporary and the fortuitous. In her understanding of and attentiveness to Nature, there is undoubtedly a deep influence of the German Romantics, both poets and philosophers, who elaborated the themes of the "philosophic night" as a source of revelation in the state of merging with the infinite, with utmost chaos. Tsvetaeva's mature lyric encompassed the best achievements of her early stylistic experiments. The spiritual, very personal depth of Tsvetaeva's verse will be examined in connection with its spontaneous response to the social upheavals of her time as well as in its relation to her opposition to technological civilization, with its despoiling of Nature.

Department of Russian and Slavic Studies
McGill University
1978

LA PERCEPTION DU MONDE DANS LES OEUVRES DE MARINA TSVETAEVA

par

Galina Bovy

Thèse présentée pour le
diplôme de Master of Arts

Résumé

La présente étude analyse les étapes principales de l'évolution artistique d'un des poètes russes les plus éminents, Marina Tsvetaeva. Tsvetaeva, qui ne fut pas appréciée à sa juste valeur de son vivant, a trouvé à présent sa place légitime parmi ceux qui, créateurs exceptionnels de valeurs spirituelles, proclamèrent malgré la complexité de leur époque tragique l'indépendance de l'individu et de son travail créateur à l'abri de tout dogme quel qu'il soit. En bâtissant son univers à elle sur la quête de la vérité, Tsvetaeva rejoint les sources mêmes de la vie, établissant une distinction entre le spirituel et l'éternel d'une part et le temporaire et le fortuit d'autre part. Dans sa compréhension de la Nature, à laquelle elle est toujours attentive, elle fut sans doute profondément influencée par les romantiques allemands, poètes et philosophes, qui développèrent les thèmes de la "nuit philosophique" comme source de révélation au moment de la réunion avec l'infini, avec le chaos total. Dans les poèmes lyriques de sa maturité, Tsvetaeva fait aboutir les meilleurs éléments de ses premières tentatives stylistiques. La profondeur spirituelle, très personnelle, des poèmes de Tsvetaeva est étudiée dans le contexte de sa réaction spontanée aux remous sociaux de son époque ainsi que de son opposition à la civilisation technologique qui détruit la Nature.

Département d'Etudes Russes et Slavoniques
Université McGill

1978

ПРОСЬБА В ПРОЦЕДУРЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Работа претендента на Галиной Новикова

соискание степени "Master of Arts"

Резюме

Настоящая работа показывает основные этапы творческого пути одного из выдающихся русских поэтов двадцатого века, Марины Цветаевой. Не оцененная по достоинству при жизни, Марина Цветаева в настоящее время заняла прочное и заслуженное место среди тех немногих творцов духовных ценностей, которые, несмотря на сложность и трагичность эпохи, провозглашали независимость личности и творчества от какой бы то ни было догмы. Строя свой неповторимый мир на истинной основе, Цветаева стремилась к истокам бытия и жизни, тщательно отделяя при этом все временное и ложное от вечного и духовного. В понимании Природы, к которой Цветаева всегда прислушивалась, без сомнения, чувствуется влияние немецких романтиков -- поэтов и философов --, развивших тему "Философской ночи" как источника откровений в момент слияния с бесконечным, соприкосновения с всеобщим "хаосом". Зрелый период Цветаевой отличается несравненным мастерством как в выработке особого стиля, так называемого цветаевского, вобравшего в себя все лучшее достижения раннего периода, так и в постройке поэтического материала. Духовная глубина произведений Цветаевой рассмотрена и в связи с отношением поэта к социально-политическим потрясениям первой половины двадцатого века, и в связи с его сопротивлением технической цивилизации, влекущей за собой "обездуховление" Природы и Человека.

Department of Russian and Slavic Studies
McGill University

1978

ACKNOWLEDGEMENTS

I would like to express my sincere gratitude to Dr. A. Fodor for his help during the writing of this thesis, and to Dr. P.M. Austin for his guidance in seminar discussions on Romanticism.

I am obliged to my colleagues V. Baslyk, L. Beraha and N. Chodak for their friendly assistance.

I am also most indebted to Flora Sharma for her help with the typing of this work.

THE PERCEPTION OF THE WORLD IN MARINA TSVETAIEVA'S WORKS

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	I-
Ссылки и примечания к Введению	16
Первый этап формирования М.Цветаевой как поэта и личности	32
Ссылки и примечания к первой главе	67
Творчество М.Цветаевой в эпоху Гражданской войны и после России	78
Ссылки и примечания ко второй главе	III
Заключение	II9
Ссылки и примечания к Заклyчению	129
Библиография	130

Вы ошибаетесь, синьора, мы всю
жизнь на подмостках, и далеко не
всякому по силе та естественность,
которая, как роль, навязана каж-
дому от самого рождения.

Б. Пастернак

Единственная обязанность на
земле человека —
правда всего существа.

М. Цветаева

ВВЕДЕНИЕ

Эта работа посвящена творчеству большого и сложного поэта 20-го века М.И.Цветаевой (1892-1941), вернее, одному из его аспектов - мироощущению поэта, его взгляду на сущность поэзии и соотношение искусства с реальной действительностью. Судьба Марины Цветаевой необычна. Как пишет С.Карлинский в своей книге:

Exile, neglect, persecution, and suicide have been the fate of Russian poets after the Revolution but perhaps only Marina Cvetaeva has experienced a 1 1 /разрядка - С.К.7 of these. 1

Необычно и ее творчество. Помимо стихов, поэм, драматических произведений, она оставила нам в наследство великолепную по своему мастерству, тонкости, точности и одухотворенности прозу, многочисленную переписку, среди которой есть настоящие шедевры эпистолярного искусства.

Оказавшись за границей в 1922 году, Марина Цветаева не потеряла связи с Россией: ее крупные, яркие и необычайные по новизне и силе вещи - "Поэма горы", "Поэма Конца", "Крысолов" и др. - ходили в списках по Москве.² В свою очередь, М.Цветаева следила за литературой в России - она писала о Б.Пастернаке и Вл. Маяковском,³ долгие годы переписывалась с Борисом Пастернаком и пересылала ему свои новые произведения.⁴ О популярности М.Цветаевой среди московской культурной элиты говорит письмо Б.Пастернака его

второй жене Зинаиде Еремеевой-Нейгаус, в котором он сообщает:

... Стали упрашивать почитать Цветаеву, и в третьем часу ночи извлекали "Крысолова".⁵ Вещь превзошла Гарриковы ожидания, он плакал и как замороженный твердил: гениально, гениально. Я сам поразился, как всегда выше наших памятей высота настоящих созданий, как вновь и вновь обгоняют они нас и всегда кажутся неожиданными.⁶

Намного позже - после исключительно трудных испытаний, пришедшихся на долю русской культуры - А.И.Солженицын в своем письме 4-ому Съезду писателей,⁷ в котором он выразил серьезные опасения за дальнейшую судьбу литературы, в список "избранных" - их даром и истинным служением искусству - и изгнанных из литературы - официальными властями - поставил "ослепительную" Цветаеву. А несколько лет спустя, сам уже изгнанный не только из литературы, но и из страны, Солженицын назвал М.Цветаеву - наряду с Е.Замятиним - своим учителем:

Для нас, для писателей XX века, ну значит и для меня, определенные образцы заключены в прозе Замятина и в прозе Цветаевой, то есть проза Цветаевой это вообще концентрация невероятной силы. Это проза для писателей, не для читателей, ее нужно разбавить в десять раз, чтобы ее могли читать обыкновенные люди...

Словесная уплотненность с такими динамическими поворотами, изгибами.⁸

Искусство Цветаевой, как и искусство других настоящих художников, слова стало "мостом", переброшенным из нашего времени в ту плодотворную эпоху духовных и художественных поисков, "взлетов и падений", эпоху, исключительную во многих отношениях, но долго умалчиваемую, или критикуемую за "декаденство" [в советском литературоведении] и носящую имя "Серебряного века" - в зарубежной русской критике.⁹

It is becoming more and more evident that between approximately 1895 - and 1930 poetry in Russian went through one of most glorious bursts of flowering that any poetry has experienced in modern history -

пишет С. Карлинский.¹⁰

Духовный подъем этого периода в области философии, поэзии и литературы характеризуется поисками религиозного и философского осмысления жизни, новых источников творчества, а также новых художественных форм. Были по-настоящему оценены и переработаны достижения русской и мировой культуры; так или иначе в духовном развитии конца 19 - начала 20 вв. преломились древнегреческое искусство и философия, европейское Возрождение, романтизм, особенно немецкий, французский символизм и философия новейшего времени.¹¹ Именно в эту эпоху была усвоена проблематика вершин русской литературы, ею прониклись, освободившись от пут ниги-

листической критики, хотя и не всегда продолжали традиции 19-го века.¹² Эпоха, в которую формировалась М.Цветаева, постоянно выдвигала новых кумиров, литературные установки менялись в острейшей и напряженной борьбе.

Первые публикации М.Цветаевой относятся к 10-м годам, когда в литературном мире происходили бурные события: раскол символистов и появление новых литературных группировок, среди которых особенно выделялись акмеисты и футуристы [О.Мандельштам, А.Ахматова, Н.Гумилев, Вл. Маяковский, В. Хлебников и др.]⁷. Несмотря на то, что М. Цветаева не принадлежала ни к одному из этих течений, она по-разному связана и с теми и с другими. Рассматривая "слово" как самоценную реальность, единственную из стихий, "отродясь осмысленную и одухотворенную",¹³ Цветаева, тем не менее, категорически отрицала формальный подход к словотворчеству, с одной стороны, с другой, — она избегала туманных абстракций в поисках истины, что имело место у символистов, теория которых нашла завершение в учении В.Иванова и работах А.Белого.¹⁴ Утверждая, что "слово" есть не что иное, как физическое воплощение духа и одухотворение физических стихий, Цветаева в своем творчестве стремилась к редкостной точности обозначения захвативших ее стихий, ибо в своих произведениях она продолжала их бытие в очищенном через художественное сознание виде.

Явления Цветаева рассматривала - подобно символистам - как средство для постижения сути, но в этом акте ее работа отличалась от работы многих символистов. Там, где они оставляли "недосказанности", "утаенности смысла"

В.Иванов считал, что слово и есть тайна символа, оно не равно себе, а является эхом иных звуков¹⁵, видя в этом символистическую энергию слова, Марина Цветаева видела иную цель: единство слова, звука и смысла. Это триединство и составляет сущность ее творческого метода.¹⁶

Не возьму греха на душу,
если скажу: за вычетом
Анненского и Блока и, с
некоторыми ограничениями,
А.Белого, ранняя Цветаева
была тем самым, чем хоте-
ли быть и не могли все
остальные символисты, вмес-
те взятые. Там, где их сло-
весность бессильно барахта-
лась в мире надуманных
схем и безжизненных ар-
хаизмов, Цветаева легко но-
силась над трудностями
истинного творчества, справ-
ляясь с его задачами играю-
чи, с несравненным блеском.¹⁷

- писал Б.Пастернак.

Следовательно, слово для М.Цветаевой "онтологич-
нее" вещи, ибо оно непосредственно связано с сущностями
и потому абсолютно самоценно, непереводаемо, незаменимо.

Слова дают жизнь вещам, причем не столько в бытовом, трехмерном пространстве, сколько в их неповторимости, индивидуальности, почти бестелесности. Фраза из книги "Земные приметы":

Любить — видеть человека таким,
каким его задумал Бог и не¹⁸
осуществили родители, —

многое объясняет в отношении Цветаевой к жизни и искусству. Марина Цветаева, по сути дела, — идеалистка "платоновского смысла", и поэтому ее "мифотворчество" отличается от мифотворчества символистов.

Марина Цветаева — не философ в обычном смысле слова, ибо все воспринимала через "душу живу": стихи ее окунают нас в атмосферу постоянного горения, волнения и борьбы. Однако, зрелая Цветаева [особенно заграничный период] отличается умением обобщения пережитого и продуманного, в результате чего рождается совершенная форма и единство стиля [так называемого Цветаевского]: Марина Цветаева обращается к философской лирике, к прозе, к трагедийному жанру. Романтическая безмерность, с которой боролась Цветаева в юности уступает место законченности, мастерству поэтической постройки из переживаний, а не просто их лирической записи — все это говорит о напряженной работе мысли, о зрелости поэта. Кроме того, у М. Цветаевой был идеал поэта — А. Пушкин, и в позднем творчестве это осо-

бенно чувствуется. Марина не стремилась к повторению пушкинских форм или воспроизведению пушкинских тем,¹⁹ а изучала Пушкина, как "чудо" Природы; вместившее в себя все ее разнообразные явления и пером гения запечатлевшее их в идеальной форме. Поэтому для понимания творчества Марины Цветаевой необходимо проникнуться ее чувствами и мыслями, проследить развитие ее мировоззрения и отношений с жизнью, то есть задышать воздухом ее творческой лаборатории.

Через эту лабораторию "просеялись" не только собственные мысли и чувства, но в ней осознавался и перерабатывался по-новому опыт, накопленный веками и запечатленный в неувядаемых произведениях великих писателей, начиная от Гомера и кончая Рильке и Пастернаком. "Она писала под взглядами Пушкина, Гете, Гёльдерлина, Рембо" — эта фраза часто повторяется критиками.²⁰ Однако, трудно согласиться с отдельными из них [М.Слоним, А.Бахрах], которые, настаивая на романтизме Цветаевой, сводят его только к непомерному требованию; предъявляемому Мариной к жизни и людям, совершенно оставляя в тени другие стороны влияния романтизма как целостного мировоззрения с философской основой.²¹

Другие критики [Ю.Айхенвальд, М.Гаспаров, Ю.Иваск] основное внимание уделяют характеристике метра и стили-

стических особенностей, в результате чего смысловая сторона творчества Цветаевой остается недостаточно освещенной, и все сводится в лучшем случае к определению стиля поэта как "барроко".²² Действительно, М. Цветаева использовала разнообразные формальные достижения в русской поэзии, начиная с Г. Державина: например, смешение стилей, употребление архаизмов и "прозаизмов", грубых, простонародных выражений рядом со старословянскими. Но подобный анализ затрагивает только одну сторону творчества поэта, и поэтому на такой основе трудно делать предположения о причинах непонимания и неприятия в свое время М. Цветаевой критикой. На самом деле было все гораздо сложнее...

Отношения с критикой складывались неблагоприятным образом для Марины Цветаевой: они часто были отрицательные, даже враждебные, особенно со стороны Г. Адамовича.²³ Марина Цветаева, отказавшаяся служить кому-либо или чему-либо, кроме поэзии, не "вписывалась" в среду поэтов - современников, живших в эмиграции.²⁴ Недаром русский философ Г. Федотов, очень ценивший Цветаеву, сказал как-то, что "ее место где-то рядом с Пастернаком и Маяковским". Она судила об искусстве не по принадлежности к партиям или литературным группировкам, а по существу: по достоинству оценила и Гиппиус, и Мережковс-

кого, и Есенина; открыла Б.Пастернака²⁵ и восхищалась "Гренадой" М.Светлова, печаталась в журнале "Версты"²⁶ рядом с Бабелем, Тыняновым, Есениным. Этого ей не могли простить.

После 1928 года все отчетливее стало определяться отрицательное отношение большинства парижской критики к творчеству Марины Цветаевой. Против ее трагедии "Федра" — вещи очень значительной — выступили вместе Г.Адамович, В.Вейдле, В.Сирин (Набоков), В.Ходасевич;²⁷ постепенно ухудшились отношения с газетами и журналами, в которых публиковались произведения Цветаевой, вплоть до отказа её печатать.²⁸ В 1939 году Марина Цветаева вернулась в Советский Союз, а два года спустя она кончила жизнь самоубийством.²⁹

Остается непонятным — этот вопрос задает профессор Г.Жекулин,³⁰ — как случилось, что М.Цветаева, признанная в настоящее время за одного из выдающихся русских поэтов 20-го века, осталась непонятой и нецененной в свое время. За редким исключением: Д.С.Мирского, Б.Пастернака [но его голос не доходил за границу], А.Бема, Г.Федотова, М.Слонима, Н.Бердяева,³¹ хотя последний ничего о ней не писал. А вот что сообщала сама Цветаева в письме А.Тесковой [январь 1932 г.]:

А от русских я отделена -
 своими стихами, которых
 никто не понимает,
 своим своемыслием, которое
 одними принимается за
 большевизм, другими -
 за монархизм или анархизм. 32

И год спустя - тому же адресату:

Я, которую так долго
 травили за современность
 стихов - теперь вечно слышу
 упреки в несовременности
 т е м [разрядка - М.Ц.] моей
 прозы. [А Вы не думаете, что
 та "современность" и эта "несов-
 ременность" - одно, т.е. Я"?!] 33

Предположительно, что одни не желали отбросить "формальные
 предрассудки" и заглянуть в глубинную сущность творчества
 М.Цветаевой, других оскорбляла и отталкивала яркая индиви-
 дуальность поэта, разбивавшая все условности жизни и поэзии
 и строившая свой мир на ценностях-абсолютах, не уступая ни
 обывательщине, ни ханжеству.

Но Марина Цветаева победила: и время и пространст-
 во, заплатив жизнью: победа путем отказа - жить, чтобы не
 пойти ни на какую сделку, ибо она была и оставалась до по-
 следней минуты только поэтом и даром своим не играла -
 она ему служила.

Сначала Ходасевич,³⁴ затем Набоков, а после публикации в 1953 году её прозаических произведений критики один за другим гласно признали неувядаемый талант Марины Цветаевой. Интерес к творчеству поэта особенно возрос в 70-е годы с изданием за границей многих ранее неопубликованных стихов, писем, проливающих свет на многие трудно понимаемые места в её творчестве, а также после переиздания её произведений, известных только по журналам 20-30-х г.г. Большую роль в популяризации творчества Марины Цветаевой сыграла книга С. Карлинского "М. Цветаева. Её жизнь и искусство". [1966, Калифорния], написанная на базе его докторской диссертации. Пока это лучшая и единственная — монография о творчестве поэта.

В Советском Союзе первая более или менее значительная публикация стихов Марины Цветаевой со статьей И. Эренбурга о её жизни и творчестве имела место в 1956 году в журнале "Литературная Москва", а также в сборнике "День поэзии". Год спустя четыре стихотворения М. Цветаевой вошли в "Антологию русской советской поэзии, I." Время — так называемая "оттепель" — позволило не только напечатать стихи, но и сказать некоторую правду о судьбе поэта. В 1961 году в издании "Библиотека поэта" вышел первый сборник стихов М. Цветаевой с предисловием Вл. Орлова,³⁵

а в 1965 году второе, расширенное издание "Избранных произведений М.Цветаевой" включило много ранее неизвестных стихов - из архива дочери поэта. Ариадны Эфрон-, несколько поэм, пьес, одну трагедию. В декабре 1962 года в ЦДЛ состоялся торжественный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения М.И.Цветаевой под председательством И.Эренбурга. Пригласительные билеты на вечер получили только 140 человек, а несколько сотен стояли на улице с надеждой попасть в зал. Поэты старого и нового поколения выступали с докладами о творчестве Цветаевой. П.Антокольский в первый раз за время после отъезда Марины Цветаевой за границу заявил громогласно о своей дружбе с ней в юности: Марина была первой, кто разглядел в нем поэта. Знаменитые артисты разных театров читали стихи и прозу М.Цветаевой.³⁶ Казалось, что время поэта для русского читателя настало. Несмотря на малые тиражи, Цветаеву узнали любители поэзии: Ахматова в Париже (1965) рассказывала, что Мариной в это время увлекались больше, чем Пастернаком.³⁷ В 1967 году вышла последняя книга Цветаевой - проза: "Мой Пушкин". С этого времени произведения поэта не переиздают, а только изредка печатают в разных журналах. Так в 1972 году в журнале "Новый мир" была опубликована часть неизданной поэмы "Егорушка" из архива А.Эфрон, в 1975 г. - несколько стихов о Пушкине, в 1976 г. -

"Повесть о Сонечке" (не полностью), в 1977 г. — "Письма М. Цветаевой М. Волошину".

Иное положение за границей: зарубежная критика уделяет много внимания творчеству М. Цветаевой — читаются доклады на конференциях,³⁸ выходят статьи,³⁹ освещающие ту или иную сторону богатого наследия М. Цветаевой. С отдельными критиками можно спорить [так например, с А. Филоновой, выступившей со статьей в журнале "Slavic Review"]⁴⁰, но нельзя не радоваться тому, что Марина Цветаева заняла свое прочное и заслуженное место в русской поэзии. И не только своими "непобедимыми" ритмами и рифмами [которыми, кстати, так восторгался А. Белый]⁴¹, а всем своим существом, сердцебиением в рифму.

В настоящей работе будет рассмотрена постепенная эволюция миропонимания поэта: от первых юношеских сборников до философской лирики и прозы. В пределах такой работы трудно проделать тщательный анализ всех произведений Марины Цветаевой, поэтому наша цель — наметить основные пункты в творчестве поэта, а также выделить наиглавнейшие моменты ее сложных отношений с жизнью. Так в первой главе будет рассмотрена поэзия раннего и среднего периодов [1910–1920], в которой уже можно выявить многое, что составит сущность и зрелой лирики. В этот период в творчестве М. Цветаевой заметно влияние

романтизма: немецкого и русского - первой половины 19-го века. В частности, ее обращение к человеческой душе как глубочайшему источнику познания. Иногда Цветаева находилась в плену "душевных", "дионисических" сил, отчего в некоторых стихах чувствуется её романтическая безмерность. Но в основном она жадно стремилась к гармонии, понимая, что её нет без "хаоса", и поэт должен начинать с него. Она перекликалась с романтиками и во взгляде на искусство как своего рода "сновидение", однако, в творческом акте у Цветаевой есть и момент воли - ожидание поэтом нужного слова - и момент интуиции. В этом чувствуется новое, "бергсоновское" содержание. В связи с этим во второй главе будет уделено внимание развитию личности М.Цветаевой, её осмыслению жизни, в результате чего её произведения приобретают законченный характер. Влияние Гёте очень заметно в её философской лирике, особенно в отношении Цветаевой к реальной действительности. Рассматривая жизнь как долг, который поэт должен выполнить до конца, Цветаева преображала своим пером все окружавшие её вещи, вдыхала в них теплоту своей всегда живой души. Будет рассмотрена метафизика поэта, явно выступающая в зрелой лирике, хотя и не получившая окончательного завершения. Но к этому М.Цветаева и не стремилась.

В работе были использованы источники, находящиеся в разных библиотеках Европы и Северо-Американского континента. Большая часть материалов пришла из архива Гарвардского университета, некоторые редкие статьи из журнального фонда Публичной библиотеки города Нью-Йорка.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

1. S. Karlinsky: "M. Cvetaeva. Her Life and Art".

California, 1966, p.7.

2. Об этом пишет Б.Пастернак в своём "Автобиографическом очерке". "Проза 1915 - 1958", Мичиган, 1961, стр. 47.

3. Смотрите: "Световой ливень". О поэзии Пастернака. "Проза", 1953, Нью-Йорк.

" - "Эпос и лирика современной России.

Вл. Маяковский и Б.Пастернак".

"Новый град", № 6 - 7, 1933, Париж.

4. К сожалению, из переписки с Б.Пастернаком сохранилось всего 17 писем: черновики этих писем, найденные в архиве М.Цветаевой. Остальные - более 150 - были утеряны знакомой Б.Пастернака. Об этой трагической пропаже Пастернак рассказывает в своём "Автобиографическом очерке". "Проза 1915 - 1958 г.г.", Мичиган, 1961, стр. 48.

Дружбе М.Цветаевой с Б.Пастернаком посвящены работы:

1. О. Раевская-Хьюз: "Б. Пастернак и М. Цветаева (К истории дружбы)". "Вестник Р.С.Х.Д.", № 100, 1971, Париж.

2. J.A.Taubman: "M.Tsvetaeva and B.Pasternak".

Toward the History of a Friendship".

"Russian Literature Triquarterly", № I-2,

1971-1972.

5. Генрих Густавович Нейгаус, известный пианист, первый муж Зинаиды Еремеевой. Вечер, о котором пишет Б.Пастернак, происходил на квартире у друга Пастернака, известного философа В.Ф.Асмуса 7 апреля 1931 года. "Вестник Р.С.Х.Д." № 100, 1972. Париж - Нью-Йорк, стр. 205.

6. Там же, стр. 205 - 206.

7. "Письмо А.И.Солженицына 4-ому Съезду писателей СССР. А.Солженицын: "Собрание сочинений в 6-ти томах", ФРГ, 1970, т. 6, стр. 8.

8. А.И.Солженицын: "Интервью на литературные темы с Н.А.Струве". "Вестник Р.Х.Д.", № 120, 1977. Париж - Нью-Йорк - Москва, стр. 156.

9. Сами участники этого духовного "Возрождения" [в частности, Н.Бердяев] называли эпоху "Русским Ренессансом".

Н.Бердяев: "Русская идея", Париж, Имка-Пресс,
1971 / переиздание;

- " - "Самопознание", Париж, Имка-Пресс,
1949.

10. S.Karlinsky: "M.Cvetaeva. Her Life and Art". Califor-
nia, 1966, p.1.

II. Были оценены по-настоящему поэты 19-го века, такие как Баратынский, Тютчев, Фет, а также Толстой и Достоевский. Кроме того, в философии и в литературе этого периода тем или иным образом нашли отражение: Платон и неоплатоники, Яков Бёме и Онри Бергсон, Ницше и Шопенгауэр, Кант, Ясперс и Ибсен.

I2. Н.Бердяев в своих книгах "Русская идея" и "Самопознание", описывая атмосферу начала века, говорит о преобладании эстетического над этическим, отчего моральный пафос литературы 19-го века, а также её правдивость и искренность у некоторых писателей отсутствовали.

Бердяев пишет, что в этот период времени появились люди "двоящихся мыслей" [Мережковский, например].

Н. Бердяев: "Самопознание", Париж, 1949.

- " - "Русская идея", Париж, 1971.

13. М. Цветаева: "Световой ливень".

"Искандер", Лондон, 1969, стр. 61.

14. В. Иванов: "По звездам". Брадда. Англия, 1971.

- " - "Борозды и межи". Брадда. Англия,
1971.

А. Белый: "Символизм", Москва, 1910.

15. В. Иванов: "Борозды и межи", Брадда,
Англия, 1971, стр. 153.

В другой книге "По звездам" В. Иванов пишет:

"Символ только тогда истинный символ, когда он
неисчерпаем и беспределен в своем значении,
когда он изрекает на своем сокровенном [иера-
тическом и магическом] языке намека и внушения
нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему
слову".

В. Иванов: "По звездам". Брадда, Англия,
1971, стр. 39.

16. В письме Ш. Вильдраку М. Цветаева так определяет
"основное" в её ремесле:

"Я пишу, чтобы добраться до сути,
 выявить суть. И тут нет места
 звуку вне слова, слову вне смысла;
 тут - триединство".

М.Цветаева: "Письмо Ш. Вильдраку"

"Новый мир", № 4, 1969, Москва. стр.204

17. Б.Пастернак: "Проза 1915 - 1958", Мичиган,
 1961, стр. 46.

18. М.Цветаева: Отрывки из книги, "Земные приме-
 ты". Журнал "Воля, России", № 1 - 2,
 1924, стр. 86.

19. М.Цветаева в своем очерке "Наталья Гончарова"
 пишет следующее:

"Влияние всего Пушкина целиком?

О, да. Но каким же оно может быть,
 кроме освободительного?. Приказ
 Пушкина 1829 г. нам, людям 1929,
 только контр-пушкинский. Лучший
 пример - "Темы и вариаций" Б.Пас-
 тернака.

М.Цветаева: "Мой Пушкин", Москва, 1967. стр.218.

20. А.Бахрах: "Письма М.Цветаевой"

"Мосты", № 5, 1960, стр. 302.

Ф.Степун: "Предисловие к "Прозе Цветаевой""

Нью-Йорк, 1953, стр. II.

21. М.Слоним (1894-1976), известный литературный критик, один из создателей и редакторов журнала "Воля России", где в 20-е годы часто печаталась М.Цветаева.

О дружбе с Цветаевой и её творчестве Слоним рассказал в "Новом журнале" - "О Марине Цветаевой".

Новый журнал, № 100, 104; Нью-Йорк, 1970 и 1971.

А.Бахрах (1902), литературный критик. О своем заочном, "эпистолярном" романе с М.Цветаевой рассказал в двух номерах сборника "Мосты", № 5-6, 1960, 1961.

В своей критике они опираются в основном на романтическое воображение М.Цветаевой, не совпадавшее с реальными личностями, из-за чего Марина терпела неудачи в своих "романах".

22. Ю.Айхенвальд [в 20-е годы писал под псевдонимом "Каменецкий"], (1872-1928), критик-импрессионист,

автор трехтомной книги "Силуэты русских писателей". Был постоянным сотрудником берлинской газеты "Руль". Вот что писала М.Цветаева Р.Гулю об одном отзыве о ней Ю.Айхенвальда:

...Кстати, прочла во вчерашнем "Руле" отзыв

Каменецкого: умилилась, но - не то!

Барокко - русская речь - игрушка - талантливо - и ни слова о внутренней сути:

судьбах, природах, героях - точно ничего,

кроме звону в ушах не осталось. - Досадно.

"Письма М.Цветаевой Р.Гулю". "Новый Журнал".

LVIII, 1959, Нью-Йорк. стр. 172.

Ю.Иваск, поэт, литературный критик, лично знал

Цветаеву, долго с ней переписывался. В

1956 году были опубликованы письма М.Цве-

таевой к нему в "Русском литературном архи-

ве" в Нью-Йорке. Посвятил М.Цветаевой

стихотворение в своем сборнике "Золушка",

США, 1970.

23. Г.Адамович (1894-1972), литературный критик, поэт. Вместе с В.Вейдле, Ю.Терапиано, Вл. Ходасевичем часто печатал отрицательные рецензии о творчестве М.Цветаевой в "Современных Записках" (см. № 37,

46,50,51), а также в журнале "Звено".

В 1953 году в журнале "Опыты" № 4, вспоминая парижские годы, он так "объяснил" свои отношения с М.Цветаевой:

... Была еще М.Цветаева, с которой у нас
что-то с самого начала не клеилось,
да и не склеилось.... Но взять у неё
было нечего. Цветаева была несомненно
очень умна, однако слишком demonstra-
тивно умна — слишком по своему — с
постоянными "заскоками".

Справедливости ради, Г.Адамович почти восторженно
писал о прозе М.Цветаевой "Дом у старого Пимена".
Однако, пересмотр её творчества пришел позже, и
за год до смерти Г.Адамович напечатал стихотворе-
ние, посвященное М.Цветаевой:

... Поговорить бы хоть теперь, Марина!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый
Как вестник торжества и
вестник бед.

"Новый Журнал", 102, 1971, стр. 6.

24. Дочь писателя Е. Чирикова, хорошо знавшая М. Цветаеву, вспоминает:

"По своей одержимости творчеством, по неуклонной ему преданности, Цветаеву можно сравнить с Ван-Гогом. Цветаева с её образованием, блестящей памятью, прекрасным знанием французского и немецкого языков, могла бы где угодно создать отличную материальную базу для своей жизни. Изменить своему призванию — изменить себе — она не могла".

В. Чирикова: Костер Марины Цветаевой. "Новый Журнал", № 124, Нью-Йорк, 1978, стр. 143.

25. Интересно отметить, что зарубежная критика долгое время сознательно "прозёвывала" Б. Пастернака [кроме Д. С. Мирского]. Хотя Цветаева писала о нём и "рекламировала", как могла [см. О. Чернова-Колбасина: "О Марине Цветаевой", "Мосты", № 15, 1970], советское гражданство Пастернака — как, впрочем, и других талантливых поэтов и писателей — мешало по достоинству оценить их.

Слава за границей Пастернака принесла славу и кри-

тике Цветаевой: в частности, на её очерк "Световой ливень" сослался В. Вейдле в Предисловии к 3-ему тому "Собрания сочинений Б. Пастернака", Мичиган, 1961, стр. УП, а также и Жаклина де Пруаяр в "Общем предисловии к "Собранию сочинений Б. Пастернака", 1961, стр. ХУП.

26. Журнал "Версты" "евразийского" направления был основан в 1926 году князем Д. С.-Мирским с помощью мужа Цветаевой С. Эфрона. На страницах этого журнала печатались советские авторы, что и повлекло за собой нападки со стороны парижской критики. В 1932 году Д. С.-Мирский вернулся в Советский Союз, С. Эфрон - позже, в 1937. Оба там погибли.

27. В. Вейдле, искусствовед, литературный критик, живущий в Париже. О том, как познакомился с М. Цветаевой и как изменилось его отношение к ней как поэту, Вейдле рассказывает в своей книге "О поэтах и поэзии".

Имка-Пресс, Париж, 1973.

В. Сирий (Набоков), писатель, встречал несколько раз Цветаеву в Чехословакии, затем в Париже, но в то время отзывался отрицательно о творчестве Цветаевой. Однако, в 1946 году в своих воспоминаниях написал, что встретил в Париже "гениального поэта" М. Цветаеву.

V.Nabokov: "Speak Memory", New-York, 1946, p.216.

Вл. Ходасевич (1886-1939), поэт, литературный критик. О том, как развивались отношения с М.Цветаевой, перешедшие от почти вражды к дружбе и пониманию, можно прочесть в "Предисловии к 'Письмам М.Цветаевой Ходасевичу'", написанном С.Карлинским.

В.Ходасевич был одним из немногих людей, кто не отвернулся от Цветаевой в страшные для неё дни в Париже.

М.Цветаева: "Письма Ходасевичу", "Новый Журнал",
№ 89, 1967. стр. 105.

28. Как трудно складывались отношения М.Цветаевой с журналами, она рассказывала в письмах А.Тесковой, а также Г.Федотову.

М.Цветаева: "Письма А.Тесковой", Прага, 1969.

М.Цветаева: "Письма Г.Федотову", "Новый Журнал",
LXIII, 1961, Нью-Йорк.

Положение усугубилось из-за мужа М.Цветаевой, занимавшегося активной деятельностью среди желавших вернуться в СССР. После убийства в сентябре 1937 года бывшего советского агента И.Рейса С.Эфрон был срочно переправлен в СССР. Ещё раньше уехала её дочь. Остались одна с маленьким сыном, М.Цветаева встретила; за редким исключением, со стороны русских молчаливое презрение.

Подробно об этом: С.Карлинский: "М.Цветаева. Её жизнь и искусство". Калифорния, 1966, стр. 90-97.

29. Вл.Марков, литературный критик, (известный своей книгой "Русские символисты") в своих "Заметках на полях", опубликованных в "Опытах", № 6, 1958, Нью-Йорк, написал:

• "Цветаева у Парижа на совести (у русского, конечно!)"

Запись эта сделана после того, как многие из знавших Цветаеву (З.Шаховская, И.Одоевцева, Ю.Терапиано, В. Вейд-ле) признали этот факт. Но смерть Цветаевой и на совести тех, кто окружал её там...

Вот что пишет П.Антокольский:

Но всё мог бы переломить её вольный и сильный характер, переплавить её творческий жар, как это не раз уже с нею бывало. И если в тот черный час в Елабуге её воля к жизни была сломлена, это означает, что действительно рядом с ней не оказалось ни одного человеческого лица, не было сказано ни одного человеческого слова".

П. Антокольский: "Книга М. Цветаевой", Новый мир, №
Москва, 1967.

30. Г. Жекулин: "Чешские стихи Марины Цветаевой",
Современник, № 33-34, 1977, Торон-
то, стр. 139.

31. А. Бем (1886-1945), русский историк литературы,
доцент в пражском университете. Специалист по
Достоевскому. Он и Цветаева ценили друг друга.
Очень скорбил о смерти Цветаевой. См. Письмо А. Бема
А. Тесковой. "Русская мысль", № 2742, Париж, 1969.

Н. Бердяев (1874 -1948), русский философ. По не-
которым воспоминаниям, создается впечатление, что
Бердяев не только ценил творчество Цветаевой, но и
оставался до конца дружен с ней.

Так Е. Извольская (близкий друг М. Цветаевой) пишет:

В эти тяжелые дни она еще при-
ходила несколько раз к Бердяеву,
который с глубоким состраданием
обращался с ней, оберегал её, как
больную.

Е. Извольская: "Поэт обреченности": "Воздушные
пути", III, 1963, Нью-Йорк, стр. 159.

В одном письме Г.Федотову Цветаева сообщает о том, что переводила на французский статью Н.Бердяева.

Следовательно, между ними были и литературные отношения.

М.Цветаева: "Письма Г.Федотову". "Новый журнал", LXXII, 1961, Нью-Йорк, стр. 163.

32. М.Цветаева: "Письма А.Тесковой", Прага, 1969, стр. 97.

33. Там же, стр. 105

34. В.Ходасевич положительно отзывался о сборнике "После России", так например, он писал: "Она гораздо одареннее Пастернака, непринужденней его, вдохновенней. Наконец, и по смыслу - её бормотание глубже, значительней".

С.Карлинский: "Предисловие к "Письмам Цветаевой Ходасевичу"". "Новый журнал", № 89, Нью-Йорк, 1967. стр. 102.

35. Вл. Орлов, советский критик, специалист по Блоку. Его перу принадлежат две вступительных статьи к сборникам "Избранных произведений М.Цветаевой" за 1961 и 1965 г.г. (статья к сборнику за 1965 г. вошла в его книгу "Перепутья", из истории русской поэзии начала 20-го века. Москва, "Художлит", 1976), и "Мой Пушкин", Москва, 1967.

36. См. подробнее в книге: С.Карлинский "М.Цветаева. Её жизнь и искусство". Калифорния, 1966, стр. II9.

37. А.Ахматова: "Собрание сочинений, т. 2", Мюнхен, 1968, стр. 342.

38. Были прочитаны доклады на конференции в Нью-Йорке в декабре 1974 года (ранняя версия работы Филоновой), а также на конференции в марте 1978 года в университете Колумбия в Нью-Йорке была прочитана лекция на тему: "М.Цветаева и А.Ахматова".

39. J.A.Taubman: Two Female voices in a Poetic Quartet.
Russian Literature Triquarterly, No. 9,
1974, p.355-367.

- " " "M.Tsvetaeva and B.Pasternak: Toward the
History of a Friendship". Russian Literature
Triquarterly, No.2, 1972.

Ieva Vitins: Escape From Earth: A study of Tsvetaeva's
Elsewheres. Slavic Review, No. 4, 1977, p.645.

40. A.Filonov Gove: The Feminine Stereotype and Beyond:
Role Conflict and Revolution in the Poetics
of M.Tsvetaeva. Slavic Review, No.3, 1977.

41. А. Белый в своей книге "После разлуки" - прямом
отклике на книгу М.Цветаевой "Разлука" - посвятил
ей такие стихи:

Неисчислимы
Орбиты серебряного прискорбья,
Где праздномыслия
Повисли тучи
Среди них
Тихо пою стих
В неосязаемые угодия
Ваших образов.
Ваши молитвы -
Малиновые мелодии
И -
Непобедимые
Ритмы.

Цитирую по очерку М.Цветаевой "Пленный дух", "Проза",
1953, Нью-Йорк, стр. 226.

Самозванцами, псами хищными —
Вся расхищена.
У ворот твоих, царь Истинный —
Стою — нищая.

М. Цветаева

ПЕРВЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ
КАК ПОЭТА И ЛИЧНОСТИ.

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве в 1892 году. В раннем детстве сердце её "ранила" музыка, не сама игра на рояле - механическая и трудная для пальчиков 5-летней девочки, - а именно, музыка: райские, неземные звуки её заполняли цветаевский дом. Мать Марины, Александра Мейн, была превосходной пианисткой, ученицей знаменитого Рубинштейна; к тому же, насильно потушенный "вулкан"¹ её страстной натуры щедро разлился лавиной чарующих звуков на детей:

Мать - залила нас музыкой.
 Из этой Музыки, обернувшейся
 Лирикой, мы уже никогда не
 выплывали на свет дня.
 Мать затопила нас как навод-
 нение,² - вспоминала Цветаева
 позже.

Не только музыка, но и сама жизнь матери, так рано оборвавшаяся, затаенная её печаль о несбывшихся надеждах и мечтах были той почвой, на которой произростал такой чувствительный цветок - сама Марина Цветаева.

"Матери я обязана - всем", - признавалась Цветаева в одном письме В.Буниной.³

"Музыка, природа, стихи, Германия.
Одна против всех. Heroica", -

такими словами определила М. Цветаева "главенствующее влияние" матери, которое та успела оказать на неё в раннем детстве.⁴

Как мать "лебедem сходила на клавиатуру",⁵ так "вихрем", со скоростью музыкальных звуков, ворвалась девочкой Марина Цветаева в "поэтическую страну", в тайный, страшный, но и притягивающий мир народной сказки [с чертами и волками, Бабой-Ягой и Кашеем Бессмертным, Белоснежкой и гномами], врослась в стихию русской народной речи. Уже в раннем возрасте у Марины Цветаевой проявился удивительный слух, благодаря которому у юной Марины рождались поэтические слова даже из непонимания их "простого" смысла, и таким образом, как пишет В. Вейдле, "рождалась сама поэзия из воплощенного в матери духа музыки."⁶ Вот один из примеров такого стихийного "опозитизирования" странного слова:

Но больше всего, из всего ранне-
рояльного, я любила скрипичный
ключ. С л о в о (разрядка - М.Ц.) -
такое чудное и протяжное и именно
непонятностью своей [почему
С к р и п и ч н ы й (разрядка - М.Ц.),
когда - рояль?] внедрявшееся, как
ключом отмыкавшее весь запретный
скрипичный мир, в котором из полной
его темноты, уже занимало имя
Паганини и горным хрусталем свер-
кало и грохотало имя Сарразаты,
мир - я это уже знала! - где за
игру продают чорту - душу! - слово,
сразу делавшее меня почти скрипачом.⁷

Марина рано научилась читать без помощи старших, а через сводных брата и сестру имела доступ к книгам. С немецкой и французской литературой Цветаева познакомилась через гувернанток: Августину Ивановну из Латывии и Альфонсин Дижон из Парижа.⁸

В своих поздних произведениях — "Мой Пушкин", "Мать и музыка", "Чорт", отчасти — "Дом у Старого Пимена" — Цветаева с любовью и нежностью показала нам обстановку в доме на Трехпрудном. Взгляд, брошенный Мариной на прошлое, позволяет нам "довообразить" ту напряженную внутреннюю жизнь будущего поэта. Необыкновенно было все: и обитатели, и посетители.

"Дом был полон шорохов, шелестов, затаенности", —

так описывала атмосферу цветаевского дома сестра Марины Анастасия Ивановна.⁹ Сама же Марина Цветаева вспоминала о себе:

Страх и жалость / еще гнев,
еще тоска, еще защита / были
главные страсти моего детства,
и там, где им пищи не было — Ю
меня не было.

Богатая натура с такой чувствительной и открытой для мира душой уже в детстве искала единения с природой,

которая, наравне с музыкой, была одним из главных источников формирования мироощущения М.Цветаевой. Из книжной сказки Цветаева с восторгом окуналась в шелест трав, в шум деревьев, в сладость ягод, за которыми надо было перебираться через серый "нескончаемый ивово-бузинный плетень"¹¹ в такую загадочную атмосферу тарусских Кирилловн, их хлестового гнезда. Как поэт — страстный, необычайно оригинальный по форме и глубокий по своему восприятию мира — будущая Цветаева рождалась "на волнах" раздольной песенно-словесной стихии и необъятной красоты русского края.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень. 12

Надо отметить, что морская стихия с разбивающимися о скалы и вновь взлетающими ввысь волнами, окаймленными легкой пеной, была одной из форм выражения внутреннего беспокойства поэта, постоянного напряжения и горения его своеобразной души, отмеченной "печатью избранности". Поэзия принимает как бы образ морской стихии, а сама Цветаева становится "дочерью, выношенной во чреве не материнском, а морском".

Совсем юная Марина писала в стихотворении "Душа и имя":

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское. 13

Гораздо позже тот же мотив повторяется в некоторых стихотворениях:

Кто создан из глины, кто создан
из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и
в полете
Своем — непрестанно разбита!"¹⁴

В другом месте:

Какая власть в моем напеве, —
Одна не ведаю о том, —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском."¹⁵

Что же касается "поля деятельности" Цветаевой-поэта, то русская безбрежность считалась в её творчестве с "тяготением к небу" немецкой романтической литературы, в которую, по словам Г. Струве, "она выросла с детских лет."¹⁶ Да жили в душе Цветаевой мятеж с любовью — движущие силы её жизни и поэзии.

Становится совсем понятным тот факт, что "брожение" русских кругов начала 20-го века и разразившаяся революция 1905 года не оставили равнодушной совсем юную Цветаеву, и она со всей страстностью увлеклась революционной романтикой: Марией Спиридоновой, обреченным Шмидтом.

Преследуемый всегда прав, как
и убиваемый, -

пишет она позже в одном письме Ю.Иваску.¹⁷ [Кстати, этой формуле Цветаева осталась верна всю жизнь]. Сказалась в этом увлечении и близость к семье А.Горького, особенно к его первой жене - Пешковой, - которая с сыном жила в одном доме с Цветаевыми в Крыму в 1905 году. Однако, от этой "вспышки" к 10-ым годам у Цветаевой ничего не осталось: отчасти по зрелости, а в основном из-за смены кумира. Им, вернее ими, стали Наполеон I [тот, который "в воздухе носился"]¹⁸ в детские годы] и его незадачливый сын - Орленок - герцог Рейхштадский. Кроме них, в ряд цветаевских кумиров - поэтов, писателей, героев - встали Эдмонд Ростан, автор "Орленка", графиня де Ноаль и рано умершая художница Мария Башкирцева, дневниками которой зачитывалось не одно поколение. Заразившись судьбами обреченных: одного - на одиночество после триумфа и славы, другого - на смерть в юношеском возрасте, Цветаева с неистовством бросилась переводить "Орленка"; она не только вживалась в героя, чьи грустные глаза светились из замка, но и изучала историческую эпоху по мемуарной литературе Массона и Тьера. И сентиментальная, трогательно рассказанная Ростаном история была не только причиной тоски богатой поэтической натуры, но и одной из серьезных проб пера.¹⁹

Французская литература и история, а особенно немецкая романтическая поэзия и философия оказали большое влияние на Цветаеву; она упивалась Гете, Гельдерлином, Новалисом, Брентано, мадам де Сталь, братьями Гонкур и в разговорах с друзьями — как вспоминает Ф. Степун — "производила неотразимое впечатление своим исключительным умом, его афористической крылатостью".²⁰ Германию любила особенно, до боли, и в 1916 году в самый разгар I-ой Мировой войны Цветаева громко заявила о своей любви к стране Гете и Канта в стихах, прочитанных "литературному Петербургу":

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам.
Ну, как же я тебя оставлю.
Ну, как же я тебя предам.

И где возьму благодаренье:
"За око — око, кровь — за кровь", —
Германия — мое безумье!²¹
Германия — моя любовь!"²¹

Но больше всего, глубже всего — всю свою жизнь! — любила Цветаева А. Пушкина: ему она посвятила много стихов и прозы, а у него училась тому, без чего нет поэта, — внутренней свободе. Из русских поэтов любила В. Жуковского, Г. Державина, Ф. Тютчева. Н. Некрасова, книгами, "с которыми сожгут", были для неё "Иллиада", "Слово о полку Игореве", "Нибелунги". Таким широким разнообразием интересов и увлечений — от Шмидта до русских писателей Аксакова и Лескова,

от Ростана до Гете - отличались детство и юность М.Цветаевой.

Первая книга стихов "Вечерний Альбом", вышедшая в 1911 году, - несмотря на скромное издание в 500 экземпляров на деньги самой Цветаевой - сразу обратила на себя внимание нескольких "королей", если не поэзии, то поэтических и литературных группировок: Н.Гумилева, В.Брюсова, М.Волошина, М.Шагинян. Отмечали, что в книге "инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, что это не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов";²² что "стихи Марины всегда отправляются от чего-нибудь пережитого".²³ Публикация стихов повлекла за собой новые события и знакомства. Поэт, искусствовед Максимилиан Волошин отыскал Цветаеву сам в ее доме на Трехпрудном - завязалась большая и нежная дружба двух замечательных людей, о которой Марина трогательно рассказала в своем превосходном очерке "Живое о живом". С Максом Марина Цветаева "вышла в свет", он водил ее с собой на разные литературные вечера, где она познакомилась со многими видными представителями "русского Ренессанса"; но главное - угадав в ней настоящего, ни на кого не похожего поэта, Волошин с большим тактом и ангельским терпением направлял её дарование.

М.Волошину я обязана первым
самосознанием себя как поэта, -

призналась она в одном письме А.Тесковой.²⁴

"Вечерний Альбом" вместе с последовавшими за ним один за другим сборниками "Волшебный фонарь" (1912) и "Из двух книг" (1913) составили как бы I-ый цикл её отро-ческо-юношеских стихов, начавших линию романтического идеализма в творчестве Марины Цветаевой. Они действительно, как указала критика, отразили интимную жизнь поэта, ибо фоном переживаний — во всех 3-х сборниках — было домашнее окружение и мир мечты: мама, сестра, книги, родная Таруса, сказки, милые сердцу герои. Однако, через недостаточную зрелость, "домашность", некоторую нарочитую книжность вырисовывалась яркая индивидуальность Марины, чувствовался настоящий поэт. У мечтательной фантазерки-бонапартистки, тянувшейся к небу и "не перестававшей удивляться", тем не менее не было в стихах ни "лунностей", ни "змеиностей", ни "смыкания звеньев", так часто встречавшиеся в поэзии её времени: в стихах Марины Цветаевой, помимо требований к жизни, чувствовалась и любовь к ней. А из романтического мира юного поэта засветились глаза мятежницы с горячей душой, жаждущей сражаться за свою любовь, готовой, с одной стороны, страдать и умирать, с другой —, не желавшей бесславной смерти и оттого стремившейся "все понять и за всех пережить".

Для того я (в проявленном - сила)
 Все родное на суд отдаю,
 Чтобы молодость вечно хранила 25
 Беспокойную юность мою".

Но поначалу, как верно заметил Вл. Орлов, "в ней так причудливо совмещались две души":²⁶ восторженная "барышня", погруженная в книжно-роматические грезы и своевольная строптивая "бунтарка" - дерзкая кровь. Стихи "Молитва", "Литературным прокурорам", "Дикая воля", "Aeternum Vale", "Барабан", "В раю", "Не в нашей власти" и другие характеризуют то душевное состояние юной Цветаевой, которое присуще ей и в зрелом возрасте и является как бы ядром её личности. В них более верно раскрываются истинный характер и внутренняя суть поэта. Идеализм в них не только не отсутствует, но наоборот, в некоторых из стихотворений явно звучит романтический максимализм, но не в книжном мире грез, а в реальной связи автора с жизнью, в его активном отношении к действительности.

"Aeternum Vale! Сброшен крест!
 Иду искать под новым бредом
 И новых бездн и новых звезд,
 От поражения - к победам!
 Aeternum Vale! Дух окреп
 И новым сном из сна разбужен.
 Я вся - любовь, и мягкий хлеб
 Дареной дружбы мне не нужен".²⁷

Еще более категоричной и требовательной была Цветаева в 17 лет, когда её ненасытная душа "жаждала сразу - всех дорог" ["Молитва" - "Вечерний Альбом"] и просила Бога и Христа о смерти:

...Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след ...
Ты дал мне детство - лучше
 сказки
И дай мне смерть - в " 28
 семнадцать лет.

Мотивы любви к жизни и упоения смертью, встречающиеся так часто в романтической поэзии [это еще не осознанная трагедия разрыва личности с этим миром и переход через бездну, через катастрофу к полноте вечности, о которых пишет Н. Бердяев ²⁹], здесь выступали как интуитивные поиски Цветаевой истинного поэтического материала. И чем глубже становились эти поиски, тем смелее входила Марина в огромный мир, который не отталкивал её — даже в своей неприглядности —, а, наоборот, притягивал Цветаеву своей "внешностью", за которой прячутся нераскрытые тайны.

Я несусь — за мною пасти,
Я смеюсь — в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги-герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое: 30
Я и мир!

Для понимания мировоззрения Цветаевой-поэта важно отметить тот факт, что уже в 1912 году она имела свое кредо:

Закрепляйте каждое мгновение,
Каждый жест! Но не только
жест — форму руки, его кинув-
шей, не только вздох — и вырез
губ, с которых, он, легкий, слетел...
Все это будет телом вашей
оставленной в огромном мире 31
бедной, бедной души.

По сути дела, москвичка Марина Цветаева не принимала активного участия в борьбе 10-ых годов на "поэтической арене", которую вели символисты со своими противниками. Поэтому "Предисловие" к сборнику "Из двух книг" (1913), из которого взят процитированный выше отрывок, явился скорее обобщением личного жизненного и поэтического опыта, хотя в нем и прозвучал ответ на критику её первых сборников. Интимный характер этой декларации не мешает нам, однако, оценить её по существу, а именно: Цветаева не отмахивалась от жизни, не считала её "несчастной случайностью" или "обузой" — в чем упрекал символистов О.Мандельштам³² —, за внешними явлениями она искала смысла. Цветаевой было чуждо пренебрежение Брюсова к жизни, которую он считал только средством "для яркопевучих стихов", и её справедливо возмущала подмена сути словами, а чувств — рифмами. Слово же, по Цветаевой,

существует не для слова, а для проникновения в самую суть явления, вещи, человека и её обозначения. Назвать* — это овеществить невидимое, облечь чувство в плоть, придать ему вес в мире весомом. Именно таким углубленным пониманием поэтического творчества отмечены многие "Юношеские стихи" 1913-1915 гг и примыкающие к ним произведения 1915-1918 гг. Об этом периоде М.Цветаева гораздо позже написала в статье "Поэт о критике" так:

Творчество — преемственность и постепенность. Я в 1915 году объясняю себя в 1925, хронология — ключ к пониманию. 33

Хотя она ничего не печатала с 1913 по 1922; писала она много и сильно. Прекрасная форма, удивительная энергия поэтического выражения даже простых тем сочетались с подкупающей непосредственностью мировосприятия, страстностью и искренностью в запечатлении борьбы мятежного духа поэта. В "Юношеских стихах" линия романтического идеализма с крылатой мечтой, подвигами и благородной жертвенностью ("Асе", "Але", "Чародей", отчасти, — "Подруга"), с любовью к книжным героям и идеалам отступила на второй план перед изображением реальных внутренних переживаний, ставшими отправной точкой в поэзии этого периода. Погружаясь в свой душевный мир, извлекая из него самые сокровенные чувства во всей их

В другом месте она обращается к людям с "требованием веры и с просьбой о любви":

За то, что мне - прямая неизбежность -
 Прощение обид,
 За всю мою безудержную нежность,
 И слишком гордый вид
 За быстроту стремительных событий,
 За правду, за игру ...
 -Послушайте! - Ещё меня любите³⁷
 За то, что я умру.

Вдохновенная любовью к Пушкину и Байрону, Цветаева в этом цикле как бы заглядывает глубоко в себя, обнаруживая при этом огромный силы лиризм, а сознание собственной одаренности и готовность служить своему призванию - до "выстрела в лоб" - дают ей право на "уверенный разговор" со своими любимыми поэтами ("Встреча с Пушкиным", "Байрону", "Цветок к груди приколот"). Поэзия "Юношеских стихов" набирает силу и скорость: "бег" становится формой выражения напряженного творчества Цветаевой. Лирическая героиня похожа на "туго натянутую, грозную стрелу", готовую сорваться в любой момент. Ничто не оставляет героиню равнодушной: она вспыхивает и звенит от первого прикосновения к её "поэтической струне". Душа её - "клубок страстей", который скрывается за беспечным видом и невинным смехом.

Что видят они? - Пальто
 На юношеской фигуре,
 Никто не видал, никто,
 Что полы его, как буря!

Остёр, как мои лета,
Мой шаг молодой и чёткий,
И вся моя правота -
Вот в "этой моей походке."

А я уйду навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег - и бег
Моей сумасшедшей тени.

...
Как птицы полночной крик
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг,
Мне лоб рассекают - тучи! 38

Отметим, что в этом цикле уже не так важен окружающий фон (как это чувствовалось в первых сборниках), он только дополняет картину и воссоздает тот или иной колорит. Все внимание Цветаева сосредотачивает на внутреннем мире героини - оттого стихи нам кажутся "лирическим дневником", запечатлевшим переживания очень молодой и пылкой души, которая любит, страдает, мучится. Мотивы смерти в этих стихах меняют романтическую окраску на спокойное с оттенком трагизма размышление о мимолетности жизни на "этой ласковой земле" и невозможности все испытать и все перечувствовать ["Быть нежной, бешеной и шумной", "Цветок к груди приколот", "Солнцем жилки налиты", "Я знаю - правду! Все прежние правды - прочь!"⁷. А поскольку лирическая героиня Цветаевой ненасытна "на грусть, на страсть, на смерть", то дневник как бы приоткрывает "дно за дном" накаленной, полной тревоги души поэта, которая, по выражению Тютчева, является "жилицей двух миров"³⁹: Дня и Ночи.

Постепенно в поисках выхода из неудовлетворенности своим отношением к миру Цветаева расширяет связи с ним. Душа же ищет единства с Природой и, подобно немецким романтикам, находит его в Ночи. М. Цветаева познает, что самым ценным в переживании и вещим в творчестве является как раз погружение в созерцательный экстаз, когда нет преграды между поэтом и обнаженной бездной.

Черная, как зрачок, как зрачок, сосу-
 щая
 Свет — люблю тебя, зоркая ночь.
 Голосу дай мне воспеть тебя, о
 проматерь
 Песен, в чьей длани узда четырех ветров.
 Клича тебя, славословя тебя, я только
 Раковина, где еще не умолк океан.
 Ночь! Я уже нагляделась в зрачки
 человека!
 Испепели меня, черное солнце — ночь!⁴⁰

Поэт не только не должен бояться заглянуть в "ночную душу", но именно таким представлялся Марине Цветаевой путь истинного художника. Вот что она записала в 1919 году в свой дневник:

Творению я несомненно предпочитаю Творца. ... За пределами творения (явленного) ещё целая бездна — Творец: весь творческий хаос, все небо, все недра, все завтра, все звезды — всё, обрываемое здесь земною смертью.

...Но если ты рожден в мир -
 давать ответы, не застывай
 в блаженном небытии, не
 так творили и не этого хо-
 тели Гёте, Леонардо, Данте.
 Быть опрокинутым - да, но
 уметь встать: припав - отор-
 ваться, пропав - воскреснуть.
 Коленопреклонись - и иди
 мимо: в мир нерожденный, 41
 несотворенный и жаждущий.

При внимательном чтении уже первых 3-х сборников
 М.Цветаевой можно почувствовать, как "зашевелился хаос" -
 настоящей, недетской поэзии.

В стихах этого периода только начали проглядываться
 "ночные темы" немецких романтиков, их стремление снять днев-
 ные покровы, под которыми скрывается "бездна" - во всей силе
 своей первоначальной хаотичности. В таких стихах, как "Пол-
 ночь", "Два исхода", "Дикая воля" Цветаева обращается к
 ночи как источнику многих тайн, ибо в "ночной душе" обна-
 жаются скрытнейшие и глубочайшие чувства.

Со мной в ночи шептались тени,
 Ко мне ласкались кольца дыма,
 Я знала тайны всех растений
 И песни всех колоколов.

...Я трепетала каждой жилкой 42
 Среди безмолвия ночного.

Стихи Марины Цветаевой, охватывающие период 1915-

1918 гг., — это "погружение" души в гущу стихий таинственной, переливающейся на разные голоса ночи [где только души и духи, которых Марина не боится]⁴³, вплоть до полного слияния с ними. У немецких романтиков ночь была единственной возможностью познания мира, который в вечерний час начинает глядеть на поэта своими многотысячными зрачками. Причем:

La nuit romantique n'a donc rien de commun avec les espaces noirs muets et désespérants de Pascal. C'est au contraire une nuit infiniment peuplée, une nuit où circulent toutes sortes de présence, —

пишет исследователь немецкого романтизма Вл. Янкелевич.⁴⁴

Это состояние интимного проникновения в "дремлющий хаос"

Тютчев назвал часом невыразимой тоски, когда "все во мне

и я во всем".⁴⁵ [Сравнить с C. Brentano: "Ich bin die Welt, die Welt ist meine"]. Цветаева же называет ночь "преступницей

и монашкой", от которой не уйти, ибо она сводит людей с

невидимыми днем страхами и мглами, с обнаженными страстями.

Но с другой стороны, вглядываясь в ночь, нам становятся доступными многие сокровенные тайны:

Сегодня ночью я одна в ночи —
 Бессонная, бездомная черница! —
 Сегодня ночью у меня ключи
 От всех ворот единственной
 столицы!"⁴⁶

И в другом стихотворении:

После бессонной ночи слабеют руки,
 И глубоко, равнодушен и враг и друг.
 Целая радуга — в каждом случайном
 звуке,
 И на морозе Флоренцией пахнет
 вдруг.⁴⁷

В полночь начинается "vita nuova", когда природный "хаос" совпадает с "хаосом" в сознании, а сами природа и сознание празднуют единение. В подобном приобщении к "мировой душе" находит удовлетворение человеческая душа, стремящаяся уйти от своего одинокого и ограниченного существования. Как раз этот порыв выхода из классической законченности ценил русский философ Н. Бердяев.⁴⁸

При всем пиетете перед гармонией, Цветаева отрицала узаконение только одного "аполлонического начала", ибо она, как поэт, должна была почувствовать первоначальную стихию, проникнуться миром "нерожденным и жаждущим..."⁴⁹

Да будет день! и тусклый день туманный
 Как саван пал над мертвой водой,
 Взглянув на мир с полуулыбкой странной;
 Да будет ночь! — сказал другой.

И отвернув задумчивые очи,
Он продолжал заоблачный свой путь.
Тебя пою, родоначальник ночи,
Моим ночам и мне сказавший:
будь. 50

В своем дневнике Марина Цветаева записала:

Две любимые вещи в мире:
Песня - и формула.
/То есть, пометка 1912 г., 51
Стихия - и победа над ней! 51

Следовательно, поэтическая формула, Абсолют, добывается поэтом в борьбе со стихией, в бесстрашном соприкосновении с "бездной", которую открывает поэту Ночь. 52 Но Ночь - это прежде всего - сон, и поэзия принимает форму "сновидения". В немецком романтизме, как пишет исследователь Кристин Сенегал:

Le rêve apparaît comme
le moyen de révélation inaccessible à
la conscience en état de veille. Selon
G.H.Schubert, le rêve n'est que l'un
des nombreux états où l'âme humaine,
retrouvant l'unité perdue, entre en
communication avec la nature entière,
donc avec la divinité.
... Seule l'âme dans sa totalité, c'est-à-
dire esprit et cœur unis dans l'amour,
est créatrice parce qu'elle participe 53
alors à la puissance de la nature.

Потому-то Ночь для Марины Цветаевой - не простое противопоставление "картезианскому Свету", стихии - победу над ней, Марина знала большее: скрытую тайну Природы - мечту Персифоны: в темных безднах зреют зерна дневного цветка.

Стихи растут, как звезды и как розы,
 Как красота — ненужная в семье.
 А на венцы и на апофеозы —
 Один ответ: — Откуда мне сие?

Мы спим — и вот, сквозь каменные
 плиты,
 Небесный гость в четыре лепестка.
 О мир, пойми! Певцом — во сне —
 открыты
 Закон звезды и формула цветка.

Однако "сновидение" у Цветаевой из пассивного состояния превращается часто в активное: одоление стихий и нахождение гармонии даются поэту не только благодаря иррациональному в нем, но и ценой больших усилий, ибо откровения требуют концентрации всей воли и терпения. Надо уметь слушать, пока не услышишь и не заносить ничего, чего не услышал, — об этом же говорил А. Блок в своей знаменитой речи "О назначении поэта".⁵⁵ Ставя наитие — бергсоновскую интуицию — на первое место, Цветаева вводит в творчество и волю: сон превращается в бессонницу — стихию поэтического творчества, которая, в свою очередь, направляется поэтом по руслу "блуждания".⁵⁶ Недаром на слова Б. Пастернака: "Как усыпительна жизнь. Как откровенья бессонны" — Цветаева восклицает: "Пастернак, когда Вы спите?".⁵⁷ Цикл стихов "Бессонница" показывает нам, как мучительны и плодотворны бессонные ночи поэта; от которых "слабеют руки и тело", но светлеет лицо: поэт проникает в глухонемую тайну, что люди зовут "жизнью".⁵⁸

Бессонница! Друг мой!
 Опять твою руку
 С протянутым кубком
 Встречаю в беззвучно-59
 Звонящей ночи ...

Но есть великий соблазн самозабвения в первоначальной стихии, растворения своего "я" в ней, с одной стороны, и обожествления этого "я", с другой.

Именно безволие или эстетический индивидуализм, которыми грешили некоторые из немецких романтиков и русских поэтов - символистов приводили к потере личностью своей цельности и ослаблению сопротивления угрожающей действительности. О такой душевной структуре И. Анненский [любимый Цветаевой поэт], повлиявший на многих [по словам А. Ахматовой] писал следующее:

Это - "я", которое хотело
 бы стать целым миром,
 раствориться, разлиться
 в нем, я, замученное
 сознанием своего безысход-
 ного одиночества, неизбежного
 конца и бесцельного суще- 60
 ствования.

Марине Цветаевой, "писавшей кровью," были чужды пессимизм и декаденство; она стремилась к сохранению цельности и гармоничности своей личности. Цветаеву-поэта [при всей её подверженности "дионисическим силам"] "хаос" никогда

не захватывает до полнейшего сторания — Князь Света, если и не побеждает, то ведет с Князем Тьмы спор, спор нескончаемый, как сама Жизнь:

И сказал тогда Князь Света — Князю Тьмы:
Ох, великий ты обманщик, Темный Князь!
Ходит-бродит, речь заводит, песнь поет!
Ну посмотрим, Князь Темнейший, чья возьмёт?
И пошел тогда промеж князьями спор,
О сю пору он не кончен, княжий спор!⁶¹

И у Князя Тьмы и у Князя Света есть свои герои: Дон-Жуан и Кармен, Иосиф и Жанна Д'Арк. И каждый из них служит своей стихии: будь-то плотская Любовь-страсть, будь-то любовь-служение к Всевышнему. Любви — основной своей стихии, чем жила и дышала, — Цветаева смело бросает вызов:

Что же! Коли кинут жребий!
Будь любовь!
В грозном — безумном небе —
Лед и кровь!

Жду тебя сегодня ночью
После двух:
В час, когда во мне рокошут⁶²
Кровь и дух.

Но в этом "рокотании" Марина Цветаева не забывалась: она находила те светлые пятна в "хаосе" Гесиода, что делали её поэзию гармоничной:

Змея оправдана звездой,
 Застенчивая низость — небом.
 Топь — водопадом, камень — хлебом.
 Чернь — Марсельезой, царь — бедой.
 Стан нестигающийся — горбом
 Могильным — горб могильный — розой... 63

Даже Князь Тьмы оправдан своим "серебряным проборм, прорезавшим тьму волос", ибо он, служа душой своей стихии, многое изведаль; и белый проборм на склоненной перед девушкой голове становится знаком просветленности. В греческой мифологии Свет рождается из Тьмы, и в стихах М.Цветаевой чувствуется это движение к "просветлению", через "хаос" — к гармонии, через страдание — к очищению. В основе этого движения — Любовь, источник жизни, могучая, все оживляющая сила, то, что первоначальнее Тьмы и Света, и что немецкие романтики называли "Космическим Эросом", — недаром одно стихотворение Цветаева так и заканчивает:

Молитесь, женщины, за душу 64
 Самой Любви.

И хотя Любовь по Цветаевой часто "поединок роковой", без неё нет творчества, ибо она и есть творческий порыв, без любви умирает душа: именно в таком понимании любви — способной оживить засыхающее и вернуть к жизни умирающее — нужно искать ответы на некоторые неудавшиеся любовные романы (например, с А.Штейгером). Об этом хорошо написала близко знавшая М.Цветаеву Е.Извольская.⁶⁵ М.Цветаева ценит

только бескорыстную любовь: люди, которые, подобно эстетам, пытаются подменить сущность приметами, её не интересуют. В одном письме А.Бахраху Марина пишет:

Всему под небом есть место:
И предателю, и насильнику,
И убийце, — а вот эстету нет!
Он не считается. Он выключен
из стихий, он нуль. Не любите:
красок-глазами, звуков-ушами,
губ-губами, л ю б и т е
в с е д у ш о й (разрядка — М.Ц.). 66

Любила Марина Цветаева с открытой душой, искренне, и хотя отношения с жизнью усложнялись, многие стихи, написанные до отъезда за границу, пронизаны жизненным пафосом: в них "бьётся" живая жизнь в многочисленных стихиях — личная страсть-любовь сливается с русским буйным песенным началом, воплотившим острое чувство России, её природы, истории. По бодрой живучести и "приятию" этого мира многие стихи революционной и дореволюционной поры продолжают линию "Юношеских стихов" [1913-1915]: Цветаева обеими ногами стоит на родной земле, а любовь к земному дому помогает ей прочувствовать жизнь изнутри её напряженной борьбы.

Обратившись к истории России, М.Цветаева показала её национальную стихию в разных аспектах и ракурсах — исторических и бытовых с одним лейтмотивом: Россия как выражение духа бунтарства, непокорности; Марина Мнишек и Лжедмит-

рий, Стенька Разин и златоглавый колокольный град, "отвергнутый Петром", наконец, подзаборная, каторжная Русь - трагическая и буйная, страдальца и мятежница.

А царит над нашей стороной -
Глаз дурной, дружок, да час худой.
А всего у нас, дружок, красы -
Что две русских, вдоль спины косы
Две несжатые, в поле, полосы.

А затем, чтобы в единый год
Не повис по рощам весь народ -
Для того у нас заведено
Зеленое шалое вино.

А по селам - ивы - деревья
Да плакун-трава, разрыв-трава...

Не снести тебе российской ноши.⁶⁷
Проходите, господин, хороший.

Разлилась Россия "заплачками", "заговорами", "заклятиями", "ворожбами" - глубинная сила её вырвалась наружу и слилась с образом "неподкованного коня".

Следок твой испытан,
Вихор твой - колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,
Непутевый огонь.
Ох, Родина - Русь⁶⁸
Неподкованный конь.

- Претаева полностью погружается в чистую фольклорную стихию, чтобы передать современным стихом не "только склад, но и дух народной песни и сказки":⁶⁹ сколько стихий и героев

смогла обнять ненасытная душа Марины Цветаевой, сколько жизненных бурь и судеб прошли перед её глазами, вернее, она сама "в летучем беге" носилась по жизни, "вгрызаясь" в неё, несмотря ни на какую горечь. О себе в земной жизни Цветаева сказала лаконично и ясно, без единого лишнего слова:

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний
Иван Богослов.

Мне и донныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть. 70

Версты, ветры, лебеди, вороны, грешники и праведники: земля — со всей её страстной кровью, и небо в белизне лебединого пуха, и судьба — у каждого — своя:

Зверю — берлога,
Страннику — дорога.
Мертвому — дроги.
Каждому — своё.

Женщине — лукавить,
Царю — править.
Мне — славить 71
Имя твоё.

"Гармония её стихов, ясность их смыслов, наличие одних достоинств и отсутствие недостатков"⁷² мешали вначале, в частности Б.Пастернаку, понять сущность цветаевского творчества, ибо Марина не гонялась за посторонними остротами и словами — пустышками. Цветаевские "рокотания духа и крови" скрывались за отточенными формулами.

В неё надо было вчитаться.
Когда я это сделал, я ах-
нул от открывшейся мне
бездны чистоты и силы, —

писал впоследствии Б.Пастернак.⁷³

В "Верстах I", которыми так восторгался Пастернак, несколько стихотворных циклов объединяются присутствием в них лирической героини, вокруг которой разворачиваются драматизированные лирические сюжеты: будь-то на площади Москвы или в кабаке, в темной ночи или в День Благовещения, на берегу бушующей реки или в "пресветлых" покоях. При этом мы узнаем цветаевскую героиню "Юношеских стихов": та же гордо поднятая голова "со лбом в апофеозе папирсы", те же серебряные кольца "на рабочей руке", тот же независимый нрав и вечный смех ("когда нельзя!"), та же чуткая и страстная душа, которая откликается и на "самозванцев", и на "Стеньку-богатыря, и на красоту любимой и незабвенной Москвы с её "сбродом", и на успех "братьев и сестер по призванию".

Появляются стихи, посвященные О.Мандельштаму, "молодому Державину", которому в период их краткой, но яркой дружбы Марина дарила Москву:

Никто ничего не отнял -
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую вас через сотни⁷⁴
Разъединяющих верст.

А.Ахматовой - "Златоустой Анне - всея Руси":

...Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала - чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь - нищей,

Что тебя, чей голос - о глубь!
о мгла!-

Мне дыхание сузил,
Я впервые именем назвала⁷⁵
Царскосельской Музы.

А.Блоку, "лебедю и ангелу":

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег -

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий - святые славы⁷⁶
Вседержитель моей души.

Из лирического могущества М.Цветаевой, которого хва-

тает на многое, вытекает и разнообразие её поэтических форм выражения, что позволяет некоторым критикам говорить о стилизованных "масках" и "личинах", которые Цветаева использует для передачи личной драмы.⁷⁷ Однако, при этом не следует забывать, что Цветаева, на самом деле, ничему не подражала: форма её стихов – "кровно пережитая," охватывающая, без отрыва ритма, целые последовательности строф.⁷⁸ Поскольку творчество для М.Цветаевой является процессом "сопереживания", более того, процессом преобразования [для неё "пища поэта – мир внутренний и мир внешний, сквозь внутренний пропущенный"]⁷⁹, то лирическая героиня и есть выражение внутренней сущности поэта, носитель его мироощущения.⁸⁰ При этом героиня воспринимается как реально существующая, но не эмпирическая, личность, в душе которой борются Любовь и Долг, Поэт и Человек. Именно изнутри этой борьбы нужно рассматривать такие стихи, как "Пригвождена", "–Да вздохов обо мне – край", "Устилают –мои –сени", "Канун Благовещения", "И плача зря" и многие другие из сборника "Версты I". С одной стороны, язычница с жарким пламенем в сердце, лобызая смуглые поля России, "мятежница лбом и чревом", не чурающаяся в ночи "окаянных мест", с другой, – тихий, кроткий по-ангельски "двойник" её, который время от времени даёт о себе знать:

И думаю: когда-нибудь и я,
 Устав от вас, враги, от вас, друзья,
 И от уступчивости речи русской,-
 Одну крест серебряный на грудь,
 Перекрещусь, и тихо тронусь в путь 81
 По старой по дороге по Калужской.

Порой, борьба принимает трагическую окраску, и тогда Цветаева использует христианские символы для её раскрытия: так в стихотворении "Устилают - мои - сени" она обреченно рассказывает как поэт "своими усыновлениями", то есть служением стихиям, опустошает человека и "распинает" его на Пасху.

В другом же стихотворении ["Мое последнее величье"] Цветаева хочет расстаться с "нелепейшей" роскошью поэта - страстью, ибо ей, человеку, не "по средствам" такое соседство: Бог и Ночь. Внутренняя борьба Поэта, отвечающего перед вещью - хорошо ли сделано?, и Человека, отвечающего перед Богом - что сделано?, переходит в плоскость социальной жизни: долг матери, жены и просто человека борется со страстью поэта ко всему, что первородно и "природно". Чувствуя, как силен в ней поэт, Цветаева обрадывается к Богородице с просьбой о дочери:

...В светлой мудрости
 Просвети, направо.
 По утерянному пути -
 Блага
 Дай здоровья ей,
 К изголовью ей
 Отлетевшего от меня
 Приставь - Ангела.
 От словесной храни - пышности
 Чтоб не вышла как я - хищницей 82
 Чернокнижницей.

Творчество Марины Цветаевой в 20-е годы отмечено усиленной и острой работой мысли: Цветаева билась над сложнейшим вопросом, который был краеугольным камнем всей русской литературы, — о сущности искусства и его взаимоотношении с Совестью. Философский трактат "Искусство при свете совести" [написанный уже за границей] явится обобщением её долготлетних размышлений, плодом её жизненного и поэтического опыта.

Однако, уже до отъезда за границу Марина Цветаева все больше и больше утверждает в "иррациональности" поэта как явления в этом мире — отсюда её фраза: "Хула на поэта — это хула на Духа Свята".⁸³ Поэзия принимает для Цветаевой самый главный жизненный смысл — "святой ноши", предназначенной ей от рождения. И Цветаева несет её с благоговением, часто сравнивая с ангельскими крыльями, со всей искренностью и самопожертвованием: в таких великолепных стихах, как "Я сказала, а другой услышал", "Я — страница твоему перу", "Руки, которые не нужны", "Умирая, не скажу: была" и многих других Цветаева подчеркивает духовность поэзии, а дар свой воспринимает, как "Богом данный". Но при этом работает упорно и яростно, боясь отдаться случайному сочетанию слов и проверяя вдохновение недоверием взыскательного художника.

Я - страница твоему перу.
 Все приму. Я белая страница.
 Я - хранитель твоему добру:
 Возращу и возвращу сторицей.

Я - деревня, черная земля.
 Ты мне - луч и дождевая влага.
 Ты - Господь и Господин, а я -
 Чернозем - и белая бумага. ⁸⁴

Жизнь поэта - "послушание", но иного рода, чем у "святых", и путь поэта, преданного своему призванию и назначению свыше может быть неизмеримо труднее пути "святых послушников". Ибо у последних преобразование мира происходит через работу над самим собой, через "делание" самого себя путем устранения себя из внешнего мира. А поэты обращены в мир и, забывая о себе, о своем спасении, словом преобразуют мир, находя в нем смысл и красоту. ⁸⁵ Цветаева чувствовала в себе силу поэта перед его "двойником", лик божий которого проступает при смерти: жизнь страстная и горькая отступает вместе с поэтом:

На ваши поцелуи, о живые,
 Я ничего не возражу впервые.
 Меня окутал с головы до пят
 Благообразия прекрасный плат.
 Ничто меня уже не вгонит в краску. ⁸⁶
 Святая у меня сегодня Пасха.

Путь истинного поэта - часто путь жертвы: своим общественным положением, устроенностью личной жизни, вплоть до жертвы самой жизнью. Ибо поэт бескорыстен: его дар направ-

лен на прославление все той же Природы, и, как писала
Марина Цветаева:

По существу, вся работа
поэта сводится к исполнению,
физическому исполнению
духовного /не собственного/ 87
задания /разрядка - Г.Б./

Все стихии "заряются" на поэта, все просят "высказаться" его
пером: ибо поэт, служа Миру, в творческом вдохновении при-
дает мгновению значение Вечности.

Руки, которые не нужны
Милому, служат - Миру.
Доблестным званием Мирской
Жены
Нас увенчала - Лира.

Много незваных на царский пир, -
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен - Мир. 88
Не понапрасну служим.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ К I-ОЙ ГЛАВЕ: ПЕРВЫЙ ЭТАП
ФОРМИРОВАНИЯ М.ЦВЕТАЕВОЙ КАК ПОЭТА И ЛИЧНОСТИ.

1. Мать М.Цветаевой по воле своего отца отказалась от любимого ею, но разведенного с первой женой, человека и вышла замуж за вдовца М.В.Цветаева, обожавшего свою первую, рано умершую, жену, дочь историка Иловайского. См. "Мать и музыка", Проза. Нью-Йорк. 1953, "Дом у Старого Пимена, Современные записки", LIV, 1934, Париж, письмо № 84 в книге "Письма А.Тесковой". Прага, 1969, стр. 109.
2. М.Цветаева: "Мать и музыка". Проза. Нью-Йорк, 1953, стр. 79.
3. М.Цветаева: "Неизданные письма", Париж, 1972, стр. 488.
4. Вл.Орлов: Предисловие к "Избранным произведениям" М.Цветаевой. Москва-Ленинград, 1965, стр.6.
5. М.Цветаева: "Мать и музыка". Проза. Нью-Йорк, 1973, стр. 71.
6. В.Вейдле: "О поэтах и поэзии". Цветаева - до Елабуги. Париж, 1973, стр. 70.
7. М.Цветаева: "Мать и музыка". Проза. Нью-Йорк, 1953, стр. 75.
8. Подробно об этом в книге С.Карлинский: "М.Цветаева. Her Life and Art". California. 1966.

9. А.Цветаева: "Воспоминания". "Новый мир", № I, Москва, 1966, стр. 82.

10. М.Цветаева: "Мать и музыка". Проза. Нью-Йорк, 1953, стр. 82.

Заметим, что Н.Бердяев в своей книге "О свободе и рабстве человека" говорит о самоосуществлении личности как болезненном процессе: через любовь, страсть, ненависть, тоску. "Тоска, — пишет философ, — устремлена вверх и обличает высшую природу человека. Личность сама боль, ибо предполагает сопротивление".

Н.Бердяев: "О свободе и рабстве человека", Париж, 1939, стр. 19-50.

11. М.Цветаева: "Кирилловны". Тарусские страницы. Калуга, 1961, стр. 235.

12. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва, 1965, стр. 104.

13. М.Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971, стр. 50.

14. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва, 1965, стр. 162.

15. Там же: стр. 163.

16. Г. Струве: "Русская литература в изгнании", Нью-Йорк, 1957, стр. 149.

17. Ю.Иваск: "Марина Цветаева". "Новый журнал", № 95, Нью-Йорк, 1969, стр. 167.

18. М.Цветаева в "Мой Пушкин" рассказывает о том, как она в детстве услышала в первый раз имя Наполеона и обратилась с вопросом о нём к матери. Та ответила: Неужели ты не знаешь, кто он, ведь это в воздухе носится. "Мой Пушкин", Госиздат, Москва, 1967, стр. 53.

19. М.Цветаева перевела "Орленка", но, по данным А.Цветаевой, перевод не сохранился. А.Цветаева: "Воспоминания", "Новый мир", Москва, № 2, 1966, стр. 101.

20. Ф.Степун: "Бывшее и несбывшееся". Нью-Йорк, 1956, т. I, стр. 274.

21. Об этом чтении в Петербурге М.Цветаева рассказывает в своем великолепном очерке "Нездешний вечер". Проза, Нью-Йорк, 1953.

Но в годы фашистской оккупации Чехословакии слово "безумье" приобрело для Цветаевой иной смысл:

О, мания!
О, мумия
Величия
Сгорись,
Германия!
Безумие
Безумие
Творишь!

Заметки Цветаевой о Германии опубликованы в книге "Несобранные произведения" М.Цветаевой. Мюнхен, 1977, стр. 461.

22. Н.Гумилев: "Собрание сочинений", том 4, Вашингтон, 1968, стр. 261.

23. В. Брюсов: "Собрание сочинений", том 6, Москва, Художественная литература, 1975, стр. 365.

На выход сборника повлияла история отношений М.Цветаевой с Вл.Нилендер. Она решила выпустить "Вечерний Альбом" по причине невозможности встречаться с Нилендер из-за нагумевшей истории с его другом - Эллисом [который, кстати, был тоже влюблен в Марину, сделал ей предложение в 1909, но получил отказ]. Эллис [Лев Кобылинский] - участник кружка "Аргонавтов", видный сотрудник журнала "Весы", главного органа символистов. Его перу принадлежит книга "Русские символисты". "Инцидент" заключался в том, что Эллис вырезал несколько страниц из книг читальни Румянцевского музея, где директором был в это время отец М.Цветаевой. Дело обошлось без суда, но встречи Марины с друзьями прекратились. Цветаева написала поэму "Чародей" в память о дружбе с Эллисом. В сборнике "Вечерний Альбом" есть одно стихотворение - "Бывшему чародею", заканчивающееся так:

"Погрешность прощать прекрасно, да, но эту -
Нельзя: культура, есть, порядочность...

... О нет

- Пусть это скажут все,

Я не судья поэту.

И можно все простить за плачущий
сонет".

Об Эллисе можно прочесть в двух томах воспоминаний А.Белого ["Начало века" и "Между двух революций"], в первом томе Ф. Степуна "Бывшее и несбывшееся", в книге Валентинова "Два года с символистами".

24. М.Цветаева: "Письма А.Тесковой", Прага, 1969,
стр. 101.

25. М.Цветаева: "Волшебный фонарь", Москва, 1912,
стр. 142.

26. Вл. Орлов: "Предисловие: Судьба. Характер. Поэзия."
"Избранные произведения", Москва, 1965,
стр. 6.
27. Марина Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен,
1971, стр. 42.
28. Марина Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен,
1971, стр. 70.
29. Н. Бердяев: "Свобода и рабство человека", Париж,
1939, стр. 46.
30. М. Цветаева: "Волшебный фонарь", Москва,
1912, стр. 55.
31. М. Цветаева: "Предисловие к сборнику "Из двух книг".
Перепечатано в "Несобранных произведениях",
Мюнхен, 1971, стр. 9.
- Этим "Предисловием" Цветаева поддержала "манифест" М.
Кузмина "О прекрасной ясности" (1910).
32. О. Мандельштам: "Утро акмеизма", Собрание сочинений,
т. II, стр. 322.
33. М. Цветаева: "Поэт о критике", "Несобранные произведе-
ния", Мюнхен, 1971, стр. 97.
34. М. Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. 8.
35. Там же, стр. 6.
36. Там же, стр. 8.
37. Там же, стр. 20.
38. Там же, стр. 80.
39. Ф. Тютчев: "Стихотворения", Москва, 1976, стр. 199.

О близости М.Цветаевой Ф.Тютчеву упоминает К.Паустовский в своей статье: "Лавровый венок" в книге "Наедине с осенью", Москва, 1972, стр. 221.

Нам кажется, их близость объясняется общим влиянием - немецкого романтизма - на творчество обоих поэтов.

- 40. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 106.
- 41. М.Цветаева: "Из книги "Земные приметы"", Журнал "Воля России", № 1-2, Прага, 1924, стр. 85-102.
- 42. М.Цветаева: "Волшебный фонарь", 1912, Москва, стр. 98.
- 43. М.Цветаева: "Письма А.Бахраху", Письмо от 25 июля 1923г., "Мосты", № 5-6, Мюнхен, 1961.
- 44. "Le romantisme allemand". U.Jankélévitch: "Le nocturne", les Cahiers du Sud, Paris, 1949, p.91.

- 45. Ф.Тютчев: "Стихотворения", Москва, 1976, стр. 84.

О связи Ф.Тютчева с немецким романтизмом можно прочесть в книге "Le romantisme allemand". Paris, 1949, p.92.

а также В.Маймин: "Русская философская поэзия", Москва, 1976, стр. 143.

- 46. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 103.
- 47. Там же, стр. 93.
- 48. Н.Бердяев: "Самопознание", Париж, 1949, стр. 233.

- 49. В "Отрывках из книги "Земные приметы"", М.Цветаева пишет: "Произведение искусства отвечает, живая судьба спрашивает /Тоска рожденного по воплощению в искусстве/. ... Если ты хочешь абсолюта, иди к Венере-Милосской, ~~Мадонне-Сикстинской~~, Улыбке-Леонардовской, если

ты хочешь дать абсолют (ответить) -
разрядка - Г.Б. - иди к Афродите-просто, Марии-просто,
Улыбке-просто: минуя толкование - к первоисточнику".
Журнал "Воля России", № I-2, Прага, 1924, стр. 85.

50. М.Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. II2.
51. М.Цветаева: "Отрывки" из книги "Земные приметы", "Воля России", № I-2, Прага, 1924, стр. 97.
52. У Ф.Тютчева есть великолепное стихотворение на эту тему: "Видение", где он пишет:

Тогда пустеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

Ф.Тютчев "Стихотворения", Москва, 1976, стр. 31. —

В.Иванов в своей книге "По звездам" на примере этого стихотворения Тютчева говорит о "новой поэзии - сомнамбулы, шествующей по миру сущностей под покровом ночи"
В.Иванов: "По звездам", Брадда, Англия, 1971.

53. "Le romantisme allemand". Les cahiers du Sud, Paris, 1949, p.99.
54. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва, 1967, стр. 133.
55. А.Блок: "Избранные произведения", Лениздат, 1970, стр. 537.

Там есть такие слова:... чем больше поднято покровов, чем напряженнее приобщение к "хаосу", чем труднее рождение звука, - тем более ясную форму стремится он принять...

56. Именно на "волевой момент" в творчестве Цветаевой указал А.Бахрах в одном из своих писем поэту. Её ответ смотрите: М.Цветаева: "Письма Бахраху", Мосты, № 5-6, 1961, стр. 307.

57. М.Цветаева: "Световой ливень", Искандер, Лондон, 1969, стр. 40.

58. М.Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. 126.

Цветаева говорит о том, как поэт "ночью" проникает в тайны:

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется - жизнь.

59. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 91.

60. И.Анненский: "Книга отражений", Москва, 1906, стр. 185.

О влиянии Анненского на других поэтов (в частности, Пастернака, Маяковского, Хлебникова) А.Ахматова сказала Н.Струве во время их 8-часового разговора.

А.Ахматова: "Собрание сочинений в 2-х томах", Мюнхен, 1968, т. 2, стр. 341.

61. М.Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. 99.

62. М.Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. 98.

63. Там же, стр. 114.

64. Там же, стр. 56.

65. Е.Извольская: "Поэт обреченности". "Воздушные пути" Ш; Нью-Йорк, 1963, стр. 150-160.
66. М.Цветаева: "Письма А.Бахраху". Мосты № 5, 1961, стр. 313.
67. М.Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. 103.
68. М.Цветаева: "Ремесло", Берлин, 1923, стр. 70.
69. Вл.Орлов: "Предисловие к "Избранным произведениям"", Москва-Ленинград, 1965, стр. 30.
70. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 47.

В 1934 году М.Цветаева писала по поводу этого стихотворения:

Вот одно из моих самых
любимых, самых моих
стихов. Кстати, ведь
могла: славили, могла:
вторили (о колоколах - Г.Б.) -
нет - спорили! Оспаривали
мою душу, которую получили
все и никто (все боги и ни
одна церковь!)

71. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 69.
72. Б.Пастернак: "Автобиографический очерк". "Проза 1915-1958", Мичиган, 1961, стр. 45.
73. Там же, стр. 46.
74. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 10.
75. Там же, стр. 77.
76. Там же, стр. 67.

77. S.Karlinsky: "M.Cvetaeva. Her Life and Art",
California, 1966, p. 183.

В одном письме А.Бахраху М.Цветаева благодарит его
именно за то, что он не поддался видимости, т.е.
форме, и не сделал из нее Цветаевой "Style Russe".

М.Цветаева: "Письма Бахраху" "Мосты" № 5, 1960-
стр. 305.

78. Б.Пастернак: "Автобиографический очерк". "Проза
1915-58". Мичиган, 1961, стр. 46.

79. М.Цветаева: "Письмо Гронскому". "Новый мир", № 4,
1969, стр. 203.

80. Термин "лирический герой" был впервые использован
Ю.Тыняновым при анализе поэзии А.Блока. См. "Арха-
исты и новаторы".

В литературоведении термин закрепился, но исполь-
зуется в разных смыслах.

Об этом можно прочесть:

Н.Степанов: "Лирика Пушкина", Москва, 1974, стр. 93.

Л.Гинзбург: "О лирике", Ленинград, 1974, стр. 127-177.

Н.Сымененко: "Поэты пушкинской поры", Москва,
1970, стр. 25.

81. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 44.

82. Там же, стр. 23.

83. М.Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен, 1972,
стр. 606.

84. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 130.
85. Очень интересные мысли на эту тему излагает Н.Бердяев в своей книге "О назначении человека". См. главу "Гениальность и святость". Москва, 1916, стр. 155-173.
86. М.Цветаева: "Версты I", Москва, 1922, стр. 41.
87. М.Цветаева: "Световой ливень", Лондон, 1969, стр. 61.
88. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 129.

Что войны, что чумы? Конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен,
Но как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречен.

А. Ахматова

ТВОРЧЕСТВО МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ В ЭПОХУ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ РОССИИ.

Андрей Шенье взошел на эшафот.
 А я живу — и это страшный грех.
 Есть времена — железные — для всех.
 И не певец, кто в порохе — поёт.

И не отец, кто с сына у ворот
 Дрожа срывает воинский доспех.
 Есть времена, где солнце —
 смертный грех.

Не человек — кто в наши дни — живет,^I —

писала Марина Цветаева в 1918 году. Россия вступала в новую эпоху, и перепутье этого бурного времени по-разному отразилось в творчестве писателей и поэтов. Для Цветаевой — это время не только отточенного мастерства — "Ремесло" станет вехой её поэтического пути — но, главное, 20-е годы явились испытанием для Цветаевой, как поэта и личности, в более высоком, духовном смысле.

Цветаева, любящая и преданная дочь России, не могла не откликнуться на российские события: её, однако, интересовали не сами социально-политические потрясения в их чистом виде, а судьба России и народа в Вечности, их тайная Идея назначения, их боль и страдания в этом испытании. В период, когда не все поэты смогли не соблазниться "прекрасной маркизой" по имени Свобода, Цветаева поднялась на небывалую высоту, с неё взглянула и на "новую правду", и на судьбу России:

Идет по луговинам лития.
 Таинственная книга бытия
 Российского — где судьбы мира скрыты-
 Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:
 — Россия! — Мученица! — С миром²
 — спи!

В своих стихах, в частности, в циклах "Ханский полонь" и "Сутробы"³ Марина Цветаева не вершит суда над взбунтовавшейся Русью, не произносит окончательного приговора — поэт стоит перед свершившимся фактом — она передает чувство скорби, разлившейся, как река в половодье, по полям России. Земля стонет под сапогами, и печальные песни вырываются как бы изнутри самой Природы: её голосом Цветаева оплакивает "русую Русь":

Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
В поле стыдобушка
Никнет березонькой.

Исполосована
Русь моя русая.
Гзак да Кончак еще,⁴
Вороны Бусовы.

Прав С. Карлинский, проводя параллель между стихами М. Цветаевой о Гражданской войне и "Словом о полку Игореве".⁵ Не говоря уже о взаимствовании Цветаевой художественных образов, дух её стихов — безмерная любовь к Родине, горечь и боль от бессмысленной гибели её сынов — роднит их со "Словом". Мелодия стиха достигает потрясающей силы выразительности в передаче внутреннего состояния напряженности в природе, с одной стороны, и бушующей, низвергнутой лавины, с другой:

...Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
- Эх, Родина-Русь,⁶
Нераскаянный конь!

...Знать не дошла ещё
Кровь Голубина.
Озером - Жаль,
Полею - Обида.

(Уж не тебя-ль,
Князь мой нелжив?)
Озером - Жаль,⁷
Деревом - Див.

Стихии не остановить: "полураскосые сонмы и полчища" идут с пожарами, льется кровь отцов и детей, которые, "взвалив вражду вселенную" на свои плечи, расправляются и с миром "белоскатертным" и друг с другом. Цветаева пытается найти причины гибели Святой Руси: то обрушивается на Петра I за его насильственные реформы, то вопрошает Провидение:

-Во имя Господа!
Во имя Разума! -
Ведь и короста мы,
Ведь и проказа мы!

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех -
Звезда российская:
Противу всех!

Отцеубийцами -
В какую дичь?
Не ошибиться бы⁸
Вселенский бич!

Напрашивается сравнение стихов М. Цветаевой (в частности, "Переселенцами — в какой Нью-Йорк" и "Масленица" из цикла "Сугробы") с поэмой А. Блока "Двенадцать" и его стихотворением "Скифы": можно даже предполагать о скрытой полемике Цветаевой с Блоком. При "революционности" ритма обоих поэтов музыка стихов Марины Цветаевой воспринимается как "причитания" или "шальной перепляс", в блоковской же музыке слышится твердая чеканная поступь. Кроме того, налицо два примера управления наитием: Цветаева — сопротивление стихии, Блок — одержимость стихией, вплоть до полного растворения в ней.

Цветаева не только сопротивляется стихии, но и "толкует факты" в их общечеловеческом смысле: как будто далекая "от магистральной линии" российской истории Марина Цветаева, на самом деле, оказывается в ряду немногих, истинных продолжателей и творцов русской культуры — истории русского духа.

Птица — Феникс — я, только в огне,
пою!

Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю — и горю дотла
И да будет вам ночь — светла!

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несусь свой высокий стан,
Высоко несусь свой высокий сан —
Собеседницы и Наследницы!

Эта высота личности позволила М.Цветаевой сохранить в себе поэта в переломный момент истории – тот пример "бергсоновской открытой морали", ¹⁰ когда личность и творчество духовных ценностей поставлены над интересами рода, когда истина не принесена в жертву пользе.

Поэтому было бы ошибкой считать книгу М.Цветаевой "Лебединый стан", посвященную Добровольческой Армии, только лишь гражданским циклом стихов: хотя они и написаны как непосредственный отклик на социально-политические события, тем не менее, этот величественный и волнующе-искренний "памятник" Белой Армии Цветаева возносит на "постамент" Совести, Разума и Истины. Марина Цветаева, захваченная стихией долга ^{II} "Добровольчество" – это добрая воля к смерти ⁷, ^{II} чувствуя, однако, обреченность Белой Гвардии в этой войне, переносит свои стихи в область вечных и неумиряющих ценностей. – Белизна и Чернота превращаются в символ борьбы с ложью и чернью, с бесчеловечностью и насилием:

Белизна – угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Солому
Не мечом – а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина ¹²
По цветку, цветущему из рук.

За всем этим, конечно, Россия, Святая Русь, что осталось без царя, Москва - без своих сынов, но уже не как конкретное историческое место события, а как предчувствие "космических" катастроф, как трагическое ощущение наступления печального конца ["Об ушедших - отошедших", "Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой солнцем взомел", "Вопль стародавний, плачь Ярославны" и др.].

Оттого Цветаева, движимая "агапе" жалеет, подобно Волошину, и красных и белых, ибо с высот своей "аполитичной" поэзии видит на много лет вперед:

Ох, грибок ты мой, грибочек
белый груздь!
То шатаясь причитаёт в поле
— Русь.
Помогите — на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!

... И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
— Мама!

И только и это
И внятно мне, пьяной,
Из чрева — и в чрево:
— Мама!

Все рядком лежат —
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где душой?

Белый был - красным стал:
Кровь обогрила.
Красным был - белый стал:
Смерть побелила. . . . 13

Как чужда по духу Цветаева, снисходившая к простым людям — осколкам стихии и в то же время защищавшая свою неповторимую личность от отчуждения и превращения её в некий идеал — "супермена" революции, революционным романтикам, этот идеал восхвалявшим! Какая бездна между "романтиком" М. Цветаевой, написавшей:

Царь и Бог! Простите малым-
Слабым — глупым — грешным —
шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, —
Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина! —¹⁴

и революционным романтиком Н. Тихоновым:

Он расскажет своей невесте
О забавной живой игре,
Как громили дома предместий¹⁵
С бронепоездных батарей.

Защищая свою благородную душу, которая "родилась крылатой", свой поэтический мир, в котором каждое чувство было искренне и возвышенно, Марина Цветаева мужественно переносила все тяготы ужасающей действительности: постоянная нужда и безвыходность, болезнь, а затем смерть младшей дочери, тревога из-за отсутствия известий о муже преследовали её. Но с другой стороны, "душевная сила любви к Любви и любви к Красоте"¹⁶ как бы освобождали её от боли и горя.

"В своей тесной мансарде, бывшей чем-то вроде каюты, на старом паруснике, ныряющем вне времени и пространства", ¹⁷ как вспоминает П. Антокольский, Марина творила свое героическое бытие, мечтала об идеале, стремилась к совершенству, к гармонии; и эта тоска находила выражение в её стихах и романтических пьесах, поэмах и прозе. ¹⁸ Пренебрегая материальным комфортом, сопротивляясь быту и защищая свою поэтическую сущность от всего заземленного и временного, Цветаева расширяет горизонты поэзии: именно в 20-е годы творчество Цветаевой отличается многоплановостью и зрелостью. И раньше её поэзия не была однообразной; в ней всегда существовали разные пласты, разные потоки. Но российская действительность 20-ых годов и личные трагедии повлияли на душевный склад поэта и его художественное сознание, что привело к выработке новых поэтических форм и нового стиля.

Отталкиваясь от "хаоса" 20-х годов Цветаева описала атмосферу тех лет в прозаических произведениях "Вольный проезд", "Октябрь в вагоне" и "Мои службы", ¹⁹ от кровавого и тревожного времени, о котором так трагически-обреченно звучат стихи к А.Ахматовой, посвященные двум смертям — А.Блока и Н.Гумилева. "Кем полосынька твоя нище выжнется", Цветаева всю свою напряженную работу души и мысли, весь свой земной мир с замыслами и поисками переносит в область поэзии, которая приобретает для неё значение единственно истинной и цен-

ной реальности.

... Так скромная, богоугодная,
 Душой и телом - благородная,
 Дорожкой простонародною -
 Так, доченька, к себе на родину:
 В страну Мечты и Одиночества -
 Где мы - Величества, Высочества. 20

Цветаева не только отбрасывает ложное и временное, не только
 "преобразует" жизнь при свете Вечности и Правды, но она как
 бы "поселяется" в своих мечтах и снах:

... Хан мой, - Мамай,
 Хлеб мой - тоска.
 К старому в рай,
 Паперть - верста!

- Что-жъ, красота,
 К Хану строга?
 - К Хану строга?
 Память долга!

Камнем - мне Хан,
 Ямой - Москва.
 К ангелам в стан,
 Скатерть - верста! 21

Цикл стихов "Разлука" из сборника "Ремесло", посвя-
 щенный мужу С.Эфрону, показывает, как и почему происходит это
 "переселение": от потери и боли в земной жизни Цветаева защи-
 щает себя "небесным домом", в котором она вольна жить по своим
 законам.

Высоко мое оконце!
 Не достанешь перстенком!
 На стене чердачной солнце
 От окна легко крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
 Мир. - На вечны времена.
 И мерещится мне: в самом²²
 Небе я погребена!

Для Цветаевой нет дома на земле, в котором она нашла бы счастье с близкими, да и близких почти всех растеряла - и вот эти потери в земной жизни оборачиваются приобретениями в поэтической реальности, в той настоящей для М. Цветаевой жизни. Дневниковые записи 1919 года о любви и творчестве объясняют многие стороны творческого процесса М. Цветаевой:

"Живой" никогда не даст себя
 Так любить, как "мертвый".
 Живой сам хочет быть (жить,
 любить).

И дальше...

Наш захват другого - только в
 нас (разрядка - Г.Б.).
 "Для меня тебя в тебе нет, ты
 вся во мне". Так думает
 поэт о своей Психее, это не ме-
 шает ей выходить замуж и
 любить другого, но ея замуже-
 ство, в свою очередь, не мешает
 и не может помешать поэту.
 Больше скажу: сила захвата
 в прямом соотношении с тайной,
 глубина его - с внешней опро-
 вержимостью.

К о г д а у ж е н и ч т о н е
 м о е - в с е м о е! [разрядка - Г.Б.] ²³

В поэзии этих лет все чаще и чаще появляются слова "небо", "ангелы", Гений, который уносит Цветаеву в "град осиянный", а от самой Марины веет легким, крылатым: по воспоминаниям П. Антокольского, Цветаева была "полна пушкинской внутренней свободы" - в непрестанном устремлении, бессонная, смелая.²⁴

Смелая и мужественная: ибо поэзия Цветаевой, "её напасть, её богатство и святое ремесло",²⁵ кроме которой у Цветаевой нет другой ноши, вступает в роковое состязание с земной жизнью. Ведь поселясь в стране Мечты и Одиночества, Марина Цветаева не отбрасывает земную жизнь, как таковую [на это обратил внимание критик Д.С.-Мирский⁷, в ней не было декадентского презрения к окружающему миру, наоборот, жизнь - прямой повод к её поэзии. Цветаевой нужна эта антиномия, так как творит она в болезненном преодолении противоречий, в преодолении самой боли, без которой у Марины нет полета. В этом смысле её поэзию можно назвать поэзией катарзиса. Вот что пишет

Цветаева А.Тесковой в одном письме:

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес - только преображенная, т.е. - в искусстве. Если бы, меня взяли за океан - в рай - и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь сама по себе (разрядка - М.Ц.) не нужна²⁶
[разрядка - Г.Б.]

Готовая и идеальная в своем воплощении вещь "сама по себе" ей не нужна, потому что именно творческий процесс Марина Цветаева считает своей настоящей жизнью, именно борьба с земными костостями и преодоление их ценны для Цветаевой. Подобно И. Фихте²⁷, она считает, что "миром правит воображение", но свои "мифы" создает на основе окружающей действительности, которую фильтрует через свое художественное сознание. Поэтому разрыв неизбежен: время как и встарь первый гонитель поэта - в голодной Москве 20-х годов Цветаева чувствовала это очень остро:

Ведомость! Номер!
Без всяких прочих!
Равенство - мы:
Никаких высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин - на снеге,²⁸
И Шенье - на плаху.

Тема Рока - Судьбы поэта - постепенно захватывает Цветаеву с новой силой. Удел поэта волновал Марину и в юности, когда она "ослепительная и победоносная" судорожно жаждала жить и носилась по жизни в стремительном беге. Но в "Юношеских стихах" ²⁹ "Даны мне были и голос любый и восхитительный выгиб лба"...²⁹ чувствуется страх перед Судьбой, "хватающей её за волосы": Цветаева тогда не верила в бессмертие, как она призналась в одном письме,³⁰ оттого

так боялась умереть. В 20-е годы, когда зрелость поэта совпадает с одиночеством, Цветаева не только убеждается в неизбежности трудного пути поэта, но, подобно Сивилле, жертвует всем во имя своего "голоса", во имя своего дара. Позже в своей статье "Поэт и время" Цветаева поясняет, что во второй половине своей жизни поэт только пишет, ибо его Молодость, переиграв всеми красками жизни, облетев мир птицей "сидит", мудреет — наступает час Верховного Одиночества, через который поэт шагает в Вечность:

Не крадущимся перешибленным
зверем, —
Нет, каменной глыбой
Выйду из двери —
Из жизни. — О чем же
Слезам течь,
Раз — камень с твоих
Плеч!

Не камень! — Уже
Широтой орлиной —
Плаш! — И уже по лазурным стрем-
нинам
В тот град осиянный,
Куда — взять
Не смеет дитя 32
Мать.

Цикл стихов "Ученик" [«Ремесло»], посвященный С. Волконскому, 33 сыгравшему немалую роль в жизни М. Цветаевой, можно назвать "благословением" самой себя на подвиг поэта. Как торжественно неотвратим час ученичества, так "вождеден" грядущий

за ним следом час Зрелости.

Поэтому трудно согласиться с утверждением И. Эренбурга, что "жизнь Цветаевой была клубком прозрений и ошибок",³⁴ а также с теми, кто упрекал Цветаеву в "беспомощности" и неумении устроить материальную жизнь. Цветаева не только умела жить, но и жила так, как считала, что ей дано было жить. Она знала, какую ношу взвалила на свои плечи, изнемогала под крестом семейных забот, но не изменила ни себе, ни своему "святому ремеслу". Цветаева жила, как писала:

о себе - поэте:

Нежной рукой отведя, нецелованный
крест,
В щедрое небо рванусь за последним
приветом:
Прорезь зари - и ответной улыбки
прорезь...
- Я и в предсмертной икоте останусь³⁵
поэтом!

о себе - человеке:

Не люблю вмешиваться в
собственную жизнь. Нет, не
лень - мне просто противно
стелить коврик. Я не двину
пальцем, чтобы облегчить себе³⁶
ношу, сократить срок.

Внутренняя зрелость, осознание своего пути и непоколебимая вера в свое предназначение, острое чувство жизненных трагедий связаны с формой их выражения. Можно заметить, что

Марина Цветаева постепенно переходит от раздольной напевности, резкой экспрессии стихотворной речи к монументальности, к торжественным "большим формам". Голос её окреп до такой силы, что её лирика превращается в эпос, и она начинает "одним своим голосом выражать тысячу чужих".³⁷ Появляются библейские мотивы в её стихах, разрабатываются темы античной мифологии. Она облекает в мифологические одежды свое лирическое содержание - душевную драму человека и поэта трагического 20-го столетия.

С этой точки зрения творчество Цветаевой заграничного периода представляет собой широкое полотно интенсивной духовной жизни поэта. Одиночество и боль от постоянной нужды не ослабляют поэтического вдохновения - наоборот, именно за рубежом творчество М. Цветаевой достигает своего апогея.

Новой страницей её поэзии этого периода является сборник "После России" (1928), который можно считать книгой философской лирики Цветаевой: используя личный опыт и опыт мировой культуры, Марина Цветаева пытается обобщить свои мысли и чувства в новой для её поэзии форме.

С. Карлинский в своей книге именно указывает на тот факт, что Цветаева впервые за границей пробует свои силы в философской лирике.³⁸

Отметим, что сложность её стихов объясняется не столько новой формой, сколько глубиной и широтой затронутых проблем, невероятной концентрацией мысли и чувства. Как и раньше, Цветаева старается раскрыть всю сложность и противоречивость своих душевных переживаний, напряженных поисков гармонии в условиях трагического времени и вместе с тем выясняет свои отношения и с окружающим миром и с целым мирозданием. Эта непрерывная жизнь души запечатляется не простой лирической записью: каждый миг, потрясающий поэта, вырастает в событие, утверждающее связь с целым миром, — отсюда стихи приобретают законченный характер. Б. Пастернак писал о "действенной мужской душе"³⁹ Цветаевой, которая рвалась к окончательности и определенности. В этом плане философская лирика М. Цветаевой блестящий образец. Обратите внимание, что философская мысль не является последней задачей, наиглавнейшей целью поэта — она, вместе с природой и жизненными фактами, является как бы материалом, из которого создается поэтическая реальность. Но у каждого истинного и глубокого поэта существует свой образ пространства и времени, и с этой точки зрения поэзия приобретает философский смысл.

Оторванная от родины, одинокая в повседневной эмигрантской жизни, Цветаева размышляет над сложнейшими вопросами жизни и смерти и бессмертия, Вечности и Любви; раскрывает трагическую судьбу поэта 20-го века. В поэзии Цветаевой нет

бестелесном состоянии:

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: ⁴³
слышим.

В своем исследовании истории дружбы М. Цветаевой и Б. Пастернака О. Раевская-Хьюз пишет, что из темы невозможности реальной встречи у Цветаевой вырастает тема встречи во сне.⁴⁴ Сама Цветаева склонна в отдельных снах видеть "максимум дозволенной во сне жизни": во сне Цветаева и участник и зритель. Во многих стихах Пастернаку $\angle$ "Весна наводит сон", поэма "С моря" $\angle$ сон вытесняет явь, и таким образом все препятствия в реальной жизни исчезают:

Чем с Океана -
Долго - в Москву то!
Молниеносный
Путь - запасной:
Из своего сна
Прыгнула в твой. ⁴⁵

С другой стороны, безмолвие ночи после дневного шума соединяется у Цветаевой с полетом и достижением спокойствия высоты, той высоты, когда "Я" поставлено как бы в обратное отношение к внешнему миру, высота, с которой начинается бездонное небо и с которой смотришь в глаза Вечности. Именно с

такой высоты Цветаева бросает в лицо времени быстрого века,
за которым она не поспевает:

Время! Ты меня предашь!
Блудною женой - обнову
Выронишь... "хоть час да наш!"

- Поезда с тобой иного
Следования!

Ибо мимо родилась
Времени! Вотще и все
Ратуешь! Калиф на час: 46
Время я тебя миную.

Ева Витинс⁴⁷, правильно замечает, что "полет" является лучшей формой выражения высших мгновений поэтического чувства поэта. Само движение составляет сущность мечты Марины Цветаевой, её воображения и даже Бога. Душа у Цветаевой - восхитительная "летчица", взмывающая в небо из мира "кукол и туш", Бог - "стройнейший гимнаст", сам "бег". Движение у Цветаевой происходит скорее в высоту, чем в ширину: её увлекает готика - германский дух. Влечение души к высоте, жажда слияния с беспредельным - ностальгия души по утерянной родине - это естественное стремление в сверхчувственный мир Идей, из которого душа "упала" в кровь, в плоть. Долг души - полет, чем выше, тем ближе к воспоминанию о своем начале, мире забытом при рождении:

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение — паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты-духом был, ты прахом стал.

... Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо — паденье в твердь.

Но узришь! То, что в мире — век
Смежение — рождение в свет.

Из днесь-48
В навек.

Интересно, что Цветаева и в природе искала аналогии своим душевным переживаниям, ощущениям. Для неё общение с природой такая же "благодать", как созерцание внутреннего мира "ночной души". Даже более значительное, ибо в природе можно наблюдать как бы на высшем уровне процессы, протекающие и в человеческой жизни. Цикл стихов "Деревья" — это апофеоз Природе, с которой Цветаева не только разговаривает, как с другом, не только "заливает" свою боль и обиду ("В смертных изверясь", "Когда обидой опилась", "Други! Братственный сон"),⁴⁹ но и черпает свои силы в борьбе с веком автомобилей и автоматов, веком, который "десять Пушкинов отдаст за одну машину".

Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдыхано!

Дуб богоборческий! В бои
 Всем корнем шествующий!
 Ивы — провидицы мои!
 Березы — девственницы! 50

Вглядываясь в деревья, прислушиваясь к их загадочным и вещим голосам, Цветаева как бы доискивается до человеческих тайн, проводит аналогию между ними и людьми: у Цветаевой деревья имеют разные характеры — они и Сивиллы, и иудеи, и заговорщики в роде "яростного Авессалома", и старики, и девственницы. В пантеистическом чувстве решаются у Цветаевой поэтически и духовно самые вечные и трагические вопросы человеческого бытия: вопросы жизни и смерти (Не краской, не кистью", "Осенняя седость, Гётевский апофеоз"). В этих стихах параллельность Природы и человека как бы исчезает благодаря художественному образу, допускающему двойное восприятие и толкование: картина осеннего леса превращается в видение смерти Иисуса Христа и других, достойных Элизиума людей:

Не краской, не кистью!
 Свет — царство его, ибо сед.
 Ложь — красные листья:
 Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
 Свет — цвет у пятой на грудь.
 Не в этом, не в этом
 ли: тайна, и сила, и, суть

Осеннего леса?
 Над тихую заводью дней
 Как будто завеса
 Рванулась — и грозно за ней...

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук-
Слова: Палестина
Встают и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквожение...
Сквозь трепетов мелкую вязь -
Свет, смерти блаженнее⁵¹
И - обрывается связь.

"Седость", "свет" становятся символами бессмертных сил, символом победы Духа. Цветаева, продолжая лучшие традиции русской и зарубежной философской лирики, делает вывод о жизни как борьбе: лишь тот достоин счастья и свободы, кто изведет бой за них на земле, могла бы повторить Цветаева вслед за Фаустом. Поэтому "осенняя седость" - это высшая ступень земного подвига человека, на которой происходит отдача последней крови, "вождеющей течь в землю",⁵² и где человеку открывается свет во всем его блаженстве.

И М. Цветаева не щадит себя в поисках истины: она снимает лоск с современной жизни, "смывает румяна с тщеты" и через покровы наносного пробивается к истокам жизни и бытия - поэту не нужны посредники между ним и стихией. Жизнь со всем грузом джи ложится на плечи поэта, и очищение её, переводение незримого на видимое, утверждение того, что в ней вечно и бессмертно, требуют мучительных и болезненных поисков. И чем горше и болезненнее они, тем ярче огонь поэта и чище пепел:

Это пеплы сокровищ,
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах — гранит

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.⁵³

Здесь мы вплотную подходим к разгадке жизни и творчества М. Цветаевой: боль является одной из движущих сил и источников её существования, через боль осуществляется её связь с миром поэзии. Цветаевой чужд гедонизм, такой далекий от катарзиса: если любовь — это так, чтобы болело, а боль у поэта всегда очищенная. Марине Цветаевой, подобно русалочке Андерсена, нужно, чтобы жизнь была "ножами, на которых пляшет любящая". Оттого, обращаясь к современной жизни, "обрастающей жиром", просит еще хоть чуть понравиться "Последний моряк",⁵⁴ а когда заостенелость и ржавчина — это "царство моллюсков" — давят на поэта, то живая душа бросает ей вызов "Жизни":

Не возьмешь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,⁵⁵
Ты погоня, но я есмь бег.

Живая душа Цветаевой — тинктура огня и любви, "пожар", на котором все должно перегореть: она и "жизнь манит и смерть" —

во имя своего дара. Страстная и кипучая душа её требует ран,
боли, ибо:

Рано еще - не быть
Рано еще - не жечь!
Нежность! Жестокый бич
Потусторонних встреч.

Как глубоко ни льни -
Небо - бездонный чан!
О, для такой любви
Рано еще - без ран.

... Ревностью жизнь жива!
Благословен ущерб
Сердцу! Отдаст трава
Право свое - на серп?

А пока общий шов
- Льюсь - не наложишь. Сам -
Рано еще для льдов
Потусторонних стран. 56

"Ущерб благословен" для Цветаевой, ибо без него нет полноты
в жизни, как нет без него полноты в природе. То же и в любви:
счастливая любовь - пустота для неё, ибо только в болевом
Цветаева утверждает свое бытие. Она могла бы сказать о себе
то же самое, что писала о Пастернаке - на счастливую любовь
она не способна, любить для неё - мучиться; без этого нет
полноты жизни для её Души-Психеи:

Я все ведающей своей жизни
полюбила и пролюбила
прощанием, а не встречей,
разрывом, а не слиянием,
не на жизнь, а на смерть. 57

Цветаева всегда находит трагические коллизии — разрывы, разлуки порождают новые взлеты лирического гения, в них она как бы черпает свою силу. Оттого так сильны стихи о любви несбывшейся, несостоявшейся в этом мире: она убеждена, что не суждено, чтобы равный с равным были вместе ("Двое")⁵⁸. На таких стихах лежит печать рока, как и на её трагедиях, в которых она вслед за Ницше⁵⁹ выдвигает метафизическое понятие "духа трагедии". Но с другой стороны, воспевая Любовь и любовь к Любви, Цветаева переносит её из тесной земной жизни в иную плоскость, и стихи её как бы излучаются в пространство, в высоту. Цветаева очень часто певец любви на расстоянии — она проверяет любовь смертью:

На назначенное свидание
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши — приду седая.⁶⁰
Ты его высоко назначил.

Цветаева как будто знает другую, неземную любовь, во имя которой отказывается от любви в жизни.⁶¹ Ей, небожителю, не дана любовь простолюдина. Этим многое объясняется в её "Поэме Горы" и "Поэме Конца", где есть, между прочим, такие слова:

Не обман — страсть, и не вымысел
И не лжет — только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви.

...Но сѣмьи тихие милости
 Но птенцов лепет - увы!
 Оттого, что в сей мир явились мы - 62
 Небожителями любви.

Поэмы превращаются в развернутую картину не только не сбывшейся любви "здесь" [Поэт во имя своей песни - "вечно третьей в любви" - жертвует всем], но и тяжелой судьбы поэта в этом мире. Цветаева сравнивает жизнь поэта, обреченного на стихи, с жизнью "жида", обреченного на погромы. У поэта на земле ничего нет, кроме дара, и все свои богатства вместе с жизнью он жертвует во имя своей песни. И тем самым обретает бессмертие: Дух-странник возвращается к своему истоку и равные встречаются в Граде Друзей, в котором - "игра на сухом ветру". ("Помни закон: здесь не владей").⁶³ В небе "спартанских" дружб, "мужском небе" эллинского Элизея находят приют и Царь-Девница, и Царевич-гуслиар - андрогинные существа из её сказки "Царь-Девница"⁶⁴ - , и смелый конник Ипподит:

Блаженны дочерей твои, Земля,
 Бросавшие для боя и для бега.
 Блаженны в Елисейские поля
 Вступившие, не обольстившись негой.

Так лавр растет - жестоколист и трезв,
 Лавр - летописец, горячитель боя.
 - Содружества заоблачный отвес.⁶⁵
 Не променяю на идолъ любви.

Не "обольщалась негой" и Цветаева. Упорный труд сочетался с за-

ботой в семье. Тянувшаяся к простой человеческой дружбе, беседе, она, по сути дела, была одинока, особенно в последние годы, в Париже.

Парижский период отличается новыми открытиями в творчестве Цветаевой. Во-первых, — её проза, о которой так высоко отзывался А. Солженицын. Сама Цветаева называет свою прозу "лирической" — "лучшее, что после стихов". Под её пером преобразуются лица её друзей по призванию: Волошина, Белого, Кузмина; знакомых и близких её детства: профессора Иловайского и его детей; наконец, лица матери и отца. В своих воспоминаниях она воскрешает умерших друзей и близких, раскрывает их сущность не простой передачей фактов: герои её прозы оживают в их неповторимой индивидуальности. Белый — "пленный дух", Волошин — "дух земли", Кузмин — "нездешние глаза", отец — "великий муж России", мать — "раненая, но не побежденная судьбой" женщина. Насколько верны память и понимание Цветаевой их сути говорят последующие критики: Б. Фидлипов, например, в своей статье к 100-летию со дня рождения М. Волошина⁶⁶ очень часто ссылается на очерк М. Цветаевой. В. Вейдле вспоминает о том, как хорошо рассказала Цветаева о Белом. А вот что пишет Р. Гуль в своей статье: "М. Цветаева и её проза":

И эти "ангельские" портреты Цветаева мастерской рукой перебрасывает в историю русской литературы. Мне думается, что в сравнении с документальными и малоинтересными фотографиями, именно у этих воображаемых портретов гораздо больше данных⁶⁷ удержаться во времени.

Поэзия же Парижского периода характеризуется прежде всего активностью Цветаевой по отношению к Природе. Она как бы полностью выходит из "снов" и погружается в окружающий мир. Правда, уже в Праге Цветаева делала Природу соучастницей своих бед и радостей, отчаяний и тревог. Уже тогда Цветаева писала:

И если гром у нас - на крышах,
Дождь - в доме, ливень - сплошь -
Так это ты письмо мне пишешь,⁶⁸
Которого не шлешь.

В Париже она открыто выступает в защиту Природы против века прогресса и технической цивилизации. Сказалось влияние и любимого ею М.Р.Рильке и не менее любимого Б.Пастернака; поэзия которого Цветаевой напоминала "четвертый день творения". Одним из оригинальнейших её произведений этого периода является "Ода пешему ходу" [кстати, не принятой в "Современные записки" из-за "сложности"]⁷. Цветаева бросает вызов веку "роковых скоростей", "безногому племени", которое ничего не знает, кроме автомобилей:

Ваши рольсы и ройсы -
Змея ветхая, лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего бресть.

...Слава господу в небе -
Богу сил, богу царств -
За гранит и за щебень,⁶⁹
И за шпат и за кварц.

Цветаева обвиняет человека, "вкусившего с древа познания", что он ведёт планету к концу. В своем отношении к современному миру Цветаева была очень близка к русским философам, в частности, к Н.Бердяеву и Л.Шестову. Н.Бердяевым особенно сильно владело эсхатологическое чувство в связи с ускоренными темпами технического прогресса современного общества. Как бы в противовес времени Цветаева пишет стихи о природе, об окружающих её предметах: будь-то рабочий стол или лестница, дом или куст. В каждом из них она видит живую душу, свой характер; она как бы заглядывает в самую сердцевину любой вещи и проникается её болью. Её стихи — на "каждый случай". Всё, о чем Цветаева пишет, она любит: под её дыханием воскресают не только вещи окружения, но и предметы, давно покинутые ею:

Из под нахмуренных бровей
Дом — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: — Здравствуй, я! ⁷⁰

В каждой вещи М.Цветаева видит неповторимое лицо, а свой письменный стол она наделяет всеми человеческими качествами. Она благодарит его за верность и жертвенность в совместно пройденном пути, за охрану поэта от "мирских соблазнов".

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам. ⁷¹

В её стихах все больше и больше чувствуется горечь одиночества и нищенского существования: Цветаева гневно обличает рабов уюта и богатства, "поедающих мозг поэта", покупая за гроши бессмертные песни "Никуда не уехали - ты да я -".⁷² Она как бы чувствует не только неблагополучие общества, но и приближение катастрофы. Высмеивая читателей газет, Цветаева восклицает:

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,⁷³
Читатели газет.

В 1938 году, когда катастрофа, действительно, разразилась - оккупация Чехословакии, - Цветаева пишет потрясающей силы цикл "Стихи к Чехии".⁷⁴ Написанные непосредственно по следам событий, они звучат как проклятие людям, покушавшимся на свободу и счастье чехов. Звучат ноты отчаяния: кажется в первый раз Цветаева отталкивается от радости бытия и перекликается с Иваном Карамазовым "Пора - пора - пора творцу вернуть билет".⁷⁵ Но несмотря на трагический оттенок, во многих стихах, звучащих как гимн свободе, чувствуется уверенность в победе чехов:

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал - гранат,
Грудью дал - гранит.

Процветай, народ -
 Твердый, как скрижаль,
 Жаркий, как гранат,
 Чистый, как хрусталь. 76

Параллельно со "Стихами к Чехии" Цветаева пишет великолепную поэму "Автобус"⁷⁷, светлое и юмористическое произведение, непримиримое с эстетством, гурманским, потребительским отношением к жизни, природе, человеку. В своих воспоминаниях М.Слоним восторгается силой воли и любовью к жизни М.Цветаевой: ведь писалась поэма в дни отчаяний и рокового решения - он увидел Цветаеву плачущей, в первый раз...⁷⁸
 А вот что заносит в черновую тетрадь сама Цветаева:

Трудно писать восторг -
 и любовь - и доверье, когда
 нет ни одного, ни другого,
 ни третьего, вдобавок, холод,
 дождь. Но может так и создаются -
 восторг, любовь, доверье и
 вдобавок хорошая погода. 79

Одиночество Марины Цветаевой, одиночество любимого ею М.Р.Рильке, смерть и одиночество многих русских поэтов и писателей - это лицо трагического века, в котором техническая цивилизация и идеология наступают на культуру, требуя от неё пользы, а не истины, массового продукта, а не творчества религиозных и нравственных ценностей. Это угадал и правильно

выразил М.Р.Рильке в своем стихотворении, посвященном Марине Цветаевой (дается в переводе В.Франка):

Рано учатся боги
притворятся неполными.
Мы же, втянутые в
водоворот, ищем, как серп луны,
полноты
Даже при истекающих сроках,
даже в дни перехода,
нам ничто не вернет
полноты,
кроме одинокого шествия над⁸⁰
спящей страной.

Марина Цветаева была "одиноким духом" - как она называла себя, ~~соинствующим~~ и не сдавшимся: она предпочла затянуть сама петлю, нежели позволить это сделать другим. Она могла бы сказать о себе то же самое, что написала о М.Волошине по поводу его смерти:

В Век: "Распевай, как хочется
Нам, - либо упраздним".
В век скопищ - одиночества:
"Хочу лежать один" -⁸¹
Вздых

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ: МАРИНА
ЦВЕТАЕВА В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ РОССИИ.

- I. М. Цветаева: "Лебединый стан". Мюнхен, 1957, стр. 30.
2. Там же, стр. 29.
3. М. Цветаева: "Ремесло". Берлин, 1923.
4. Там же, стр. 72.
5. S. Karlinsky: "M. Cvetaeva: Her Life and Art". California, 1966, p. 190.
6. М. Цветаева: "Ремесло". Берлин, 1923, стр. 70.
7. Там же, стр. 71.
8. Там же, стр. 122.
9. М. Цветаева: "Избранные произведения". - Москва-Ленинград, 1965, стр. 135.
10. О. Бергсон [1859-1941], французский философ-идеалист, представитель интуитивизма и философии жизни. Ему принадлежит учение об "открытой" и "закрытой" морали, т.е. морали личности и рода.
11. "Добровольчество - это добрая воля к смерти" - эпиграф к стихотворению "Посмертный марш" Цветаева объясняет, как "попытку толкования" "Ремесло". Берлин, 1923, стр. III.
12. М. Цветаева: "Лебединый стан", Мюнхен, 1957, стр. 35.
13. Там же, стр. 53.
14. Там же, стр. 41.

15. Цитирую по книге Н.Якобсона "Конец трагедии". Нью-Йорк, 1973, стр. 205.

Автор посвятил работу анализу поэмы А.Блока "Двенадцать", затронув многие проблемы поэзии 20-х годов.

16. В 1921 году, находясь уже за границей, К.Бальмонт писал: "Вспоминая те, уже далекие, дни в Москве, и не зная, где сейчас Марина Цветаева, жива-ли она, я не могу не сказать, что две эти поэтические души, мать и дочь, более похожие на двух сестер, являли из себя самое трогательное видение полной отрешенности и вольной жизни среди грез - при таких условиях, при которых стонут, болеют, умирают. Душевная сила любви к Любви и любви к Красоте как бы освобождали две эти человеческие птицы от боли и тоски.

К.Бальмонт: "О Цветаевой". "Современные записки", № 7. Париж, 1921, стр. 92.

17. П.Антокольский: "О книге Марины Цветаевой". "Новый мир", № 4. Москва, 1966, стр. 216.

18. Сохранилось 6 романтических пьес М.Цветаевой, написанных в 20-е годы в Москве: "Червонный Валет" [1918], "Метель" [1918], "Фортуна" [1919], "Приключение" [1919], "Каменный Ангел" [1919], "Феникс", или "Конец Казановы" [1919].

Цветаева объяснила свое увлечение пьесами так: "...Это пришло, как неизбежность, просто голос перерос стихи, слишком много воздуха в груди стало для флейты".

Сказалась, конечно, и дружба со студийцами, которые под руководством Вахтангова искали новых путей в искусстве. Об этом очень интересно рассказала Цветаева в "Повести о Сонечке" - прототипе некоторых героинь

пъес Цветаевой.

М.Цветаева: "Неизданное", 1976, Париж, Итга-Пресс.

19. М.Цветаева: "Вольный проезд", "Современные записки", № 21, Париж, 1924, стр.247-279.

- " - "Мои службы". "Проза". Нью-Йорк, 1953, стр. 102.

- " - "Несобранные произведения". Мюнхен, 1971, стр. 667.

20. М.Цветаева: "Лебединый стан", Мюнхен, 1957, стр. 45.

21. М.Цветаева: "Ремесло", Берлин, 1923, стр. 69.

22. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 153.

23. М.Цветаева: "Из книги "Земные приметы". "Воля России", Прага № 1-2, 1924, стр.96.

24. П.Антокольский: "О Книге М.Цветаевой". "Новый мир", № 4, Москва, 1966, стр. 216-217.

25. Критик Д.С.-Мирский отмечал, что на фоне всеобщего уныния поэзия М.Цветаевой и Б.Пастернака выделялась своей "мажорностью", "приятием" этого мира и жизни.

Д.С.-Мирский: "Молодец" М.Цветаевой. "Современные записки", № 26, Париж, 1926.

26. М.Цветаева: "Письма А.Тесковой", Прага, 1969, стр. 37.

27. И.Г.Фихте [1762-1814] - немецкий философ - идеалист;
один из основоположников философии немецкого романтизма.
28. М.Цветаева: "Ремесло", Берлин, 1923, стр. 105.
29. М.Цветаева: "Неизданное", Париж, 1976, стр. 90.
30. В марте 1914 года, посылая стихи другу, М.Цветаева писала: "... я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни. Отсюда - безнадежность, ужас старости и смерти. Полная невозможность природы - молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жажда жить".
М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 233.
31. В своей статье "Поэт и время", написанной во Франции, Цветаева сообщает:
Главное в жизни писателя (во второй половине её) - писать,
Не: успех, а: успеть.
М.Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971, стр. 624.
32. М.Цветаева: "Ремесло", Берлин, 1923, стр. 33.
33. Волконский, кн. Сергей Михайлович (1860-1937) - внук декабриста, бывший директор императорских театров. М. Цветаева познакомилась и подружилась с ним в Москве в годы революции. За рубежом выпустил несколько книг, одну из них "Быт и бытие" он посвятил М.Цветаевой.
34. И.Эренбург. "Поэзия Марины Цветаевой". "Литературная Москва I", Москва, 1956, стр. 711.

Возражает И.Эренбургу и профессор Университета из Торонто г. Жекулин.

См. "Чешские стихи М.Цветаевой", "Современник", № 33-34, 1977, Торонто, стр. 138.

35. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 168.
36. Г.Жекулин: "Чешские стихи Марины Цветаевой", "Современник", № 33-34, 1977, Торонто, стр. 139.
37. М.Цветаева: "Письма А.Бахраху", "Новый мир", Москва, № 4, 1969, стр. 192.
38. S.Karlinsky: "M.Cvetaeva. Her Life and Art". California, 1966, p. 195.
39. Б.Пастернак: "Проза 1912-1958", Мичиган, 1961, стр. 47.
40. М.Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 79.
41. Там же, стр. 110.
42. Там же, стр. 138.
43. Там же, стр. 89.
44. О.Раевская-Хьюз: "Б.Пастернак и М.Цветаева", "Вестник Р.С.Х.Д.", № 100, 1971, Париж-Нью-Йорк, стр. 28.
45. М.Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971, стр. 530.

46. М.Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 88.
47. Ieva Vitins: "Escape from Earth"; A study of Tsvetaeva's Elsewheres. Slavic Review, No.4, 1977, p.645.
48. М.Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 26.
49. Там же, стр. 30-38.
50. Там же, стр. 31.
51. Там же, стр. 34-35.
52. Там же, стр. 96.
53. Там же, стр. 42.
54. Там же, стр. 119.
55. Там же, стр. 145-146.
56. Там же, стр. 95.
57. М.Цветаева: "Мой Пушкин", "Проза", Нью-Йорк, 1953, стр. 64.
58. М.Цветаева: "После России", Париж, 1953, стр. 129-131.
59. Ф.Ницше [1844-1900], немецкий писатель и философ. Цветаева внимательно штудировала его книгу: "Рождение трагедии", в которой Ницше утверждает метафизическое понятие "духа трагедии".
60. М.Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 95.
61. Тема неземной любви волновала М.Цветаеву при написании трагедии "Тезей". Вот что она записала в черновую тетрадь: "Тезею не мало Ариадны, ему - мало земной любви, над которой он знает большее - которой он сам больше - раз может её перешагнуть. Тезей не через

спящую Ариадну шагает, а через земную - лежащую любовь, лежащего себя".

М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва-Ленинград, 1965, стр. 787.

62. Там же, стр. 445.

Нам кажется несколько односторонней попытка объяснения "Поэмы Горы" Н.Еленева в его воспоминаниях о М.Цветаевой. "Грани", № 39, Мюнхен, стр. 141-159.

Отношения Цветаевой с К.Родзевичем были более сложные, нежели их описывает Н.Еленев. См. М.Цветаева: "Письма А.Бахраху", "Мосты", № 5-6.

63. М.Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 11.

64. Ю.Иваск предполагает, что Царь-Девница - или сама Цветаева, или Божий замысел о ней". Во всяком случае судьба её похожа на судьбу М.Цветаевой: Царь-Девнице нет счастья на земле, и она добровольно исчезает с неё.

Ю.Иваск: "Цветаева - Маяковский - Пастернак". "Новый журнал", № 95, 1969, Нью-Йорк, стр. 167.

65. М.Цветаева: "Ремесло", Берлин, 1923, стр. 75.

66. Б.Филиппов: "М.Волошин. Мир контрастов и мятежей". "Вестник Р.Х.Д.", № 120, Париж - Нью-Йорк - Москва, 1977, стр. 184, 185, 190, 195.

67. Р.Гуль: "Одвуконь", Нью-Йорк, 1973, стр. 40.

68. М.Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 98.

69. М.Цветаева: "Избранные произведения", Москва - Ленинград, 1965, стр. 290.
70. Там же, стр. 293.
71. Там же, стр. 297.
72. Там же, стр. 314.
73. Там же, стр. 317.
74. Там же, стр. 324-339.
75. Там же, стр. 336.
76. Там же, стр. 338.
77. Там же, стр. 553.
78. М.Слоним: "О Марине Цветаевой", "Новый журнал", № 100, 104, Нью-Йорк, 1970-71, стр.
79. М.Цветаева: "Избранные произведения". Москва-Ленинград, 1965, стр. 778.
80. М.Р.Рильке: "Марине Цветаевой", "Вестник Р.С.Х.Д.", № 106, 1972, Париж - Нью-Йорк, стр. 243.
81. М.Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971, стр. 579.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Марина Цветаева - поэт чрезвычайно оригинальный: наш слух безошибочно выделяет её стихи по особым распевам, ритмам, интонациям, по той свободе и естетственности непрерывного движения. Она постоянно вела поиски в возведении трудных синтаксических построек на абсолютном музыкальном слухе.

Есть разные способы, видеть мир: одни это делают с помощью красок, другие - звуков. В отличие от Б.Пастернака, который видел все то, о чем писал [от первой росинки до хлещущего дождя], Цветаева - слышала. Оттого Цветаевой была близка музыка: она вслушивалась и "отзывалась на новое звучание воздуха".¹ Неопределенные, расплывчатые вначале звуки превращались под её пером в осмысленные поэтические произведения. Словотворчество для неё было "хождением по следу слуха народного и природного".² В этом смысле Цветаева не терпела никаких посредников между ней и стихией.

Из настоящей работы видно, как далека была Цветаева от "литературщины" - она сама была "произведением природы", поэтому так непосредственны и искренни её стихи и проза. С одной стороны, она прислушивалась к природе, с другой, - слушала свой противоречивый мир живой души - и таким образом открывала новое художественное содержание. Эстетство считала за убожество души, а о себе говорила, что "её специальность - Жизнь".³

Цветаева жила в трагическое время, и её рвущийся слог, её барабанная ритмика, напоминающая "физическое сердцебиение - удары сердца - застоявшегося коня или связанного человека",⁴ отражают именно её эпоху, напряженность борьбы поэта с веком и отстаивание своей сущности. Цветаева срывала "личины и маски" со своего времени, сражалась с людскими косностями и низостями, глубоко переживала из-за социальных потрясений и катастроф. Поэтому ритм М.Цветаевой - суть и душа поэзии - это отражение бега времени, стремительного и судорожного. Её "переносы" - "анжабемены" - один из излюбленных приемов Цветаевой обычно диктовался передачей цельности чувств поэта, и тогда мысль как бы переплёскивалась не только в следующую строку, но и в последующую строфу. Единица её речи - не фраза, даже не слово, а слог, поэтому, чтобы облегчить читателю восприятия ритма - её сердцебиения - Цветаева применяла словоразделение [/ через тире/ и слогоразделение [/ через дефис/. При правильном произношении улавливаются все тонкости передаваемого чувства. Например: [/Б.Пастернаку/:

Рас-стояние: версты, мили ...
Нас рас-ставили, рас-садили.

5

По сути дела, такой прием, как и все остальные - не самоцель; это только постепенное проявление сути, ибо Цветаева насквозь полна содержанием, так им захвачена, его потоком, что ей некогда заботиться об ухищрениях формы - она желает одного: как мож-

но более верного отображения её мироощущения. Сама же Цветаева говорила, что "суть и есть форма", ибо вещь не может родиться иной, если поэт правильно её услышал.⁶ В точности обнажения, выведения на свет формулы-суть Цветаева, по мнению Пастернака, далеко перегнала многих поэтов. Она поистине обладала афористическим стилем мышления, которое помогало ей нанизывать законченные мысли одну за другой так мастерски, что очень трудно цитировать Цветаеву, не нарушив великолепной постройки. Афоризм это "сквозное" мышление Цветаевой - "она мыслила быстрыми, смелыми бросками".⁷ Но в своем мышлении Цветаева всегда опиралась на жизнь, на мир своих чувств и переживаний, она никогда не вдавалась в бессмысленное экспериментирование, даже затрудненные стихи Цветаевой из-за формальной новизны были результатами выражения её содержания, "строю души". Цветаева умела "обкатывать" совсем простые, обиходные слова и сталкивая их с другими - находила новые поэтические образы. Она строила словесные структуры, в которых вещи и понятия взаимодействовали по аналогии, рождающимся из родственности звучаний и смыслов. Цветаева часто бросала слова или комки из двух-трех слов, несущие нетронутым в себе полный отдельный смысл, навстречу другим словам, с которыми они вступали в борьбу: откуда такой динамизм, изгибы, повороты, как в стихах, так и в прозе. Эта "жестокость" письма характеризовала и стиль любимого Цветаевой Гельдерлина. Однако, умение Цветаевой не видеть никакой "прозы" вокруг себя оправдывало

такой "жесткий стиль", ибо под её пером ничего не снижалось⁸, а подобное сталкивание разных звуков и смыслов было её природным строем души и слова. Искусство для Цветаевой никогда не было увеселительным занятием, а мучительным и напряженным трудом: этого она хотела и требовала от читателя.

Марина Цветаева внесла большой вклад в историю русской культуры, в развитие поэтического слова и обогатила поэзию 20-го века множеством счастливых находок. В свете её достижений меркнут результаты некоторых советских поэтов, пытающихся экспериментировать: их "новаторство" строится в основном на формальных поисках и чаще всего обречены на неудачу. Там, где нет жизненного чувства, конкретной и деятельной мысли, форма сама по себе не может принести смысла.

А.Твардовский, критикуя подобные эксперименты, писал, что "все это было в первый раз и несравненно лучше".⁹ Но такой разрыв в истории русской поэзии объясняется прежде всего тем, что Цветаева была "возвращена"¹⁰ на родину поздно и малым тиражом. Хотя Цветаеву полюбили и оценили, кому "удалось" её прочесть (как пишет Е.Евтушенко во вступительной статье к своему "Двухтомнику избранных произведений" 1975 года)¹¹, полного возврата к широкой публике не получилось. Доступ к её поэзии затруднен, о чем сказал в своём интервью А.Солженицын.¹²

Отметим, что смерть А.Ахматовой [1966], по сути дела, перевернула последнюю страницу истории русской поэзии "Серебряного века", которой критики занимались выборочно. Книга Вл. Орлова "Перепутье" — единственная в этом роде за последнее время — подает надежду, но, с другой стороны, прекращение печатания произведений М.Цветаевой — огорчающий симптом. Тем более обидно, что М.Цветаева в своем творчестве в первую очередь думала о русском массовом читателе [только без посредников, как с природой], на него делала ставку; в русского читателя она верила всегда.¹³ Поэтому все свои новые произведения старалась пересылать в Россию. Без изучения многолетней и взаимообогащающей дружбы между М.Цветаевой и Б.Пастернаком не будет раскрыт до конца трагический путь русской поэзии. В этом направлении уже сделаны первые шаги, хотя потеря большей части писем Цветаевой Пастернаку и неизвестная судьба писем Пастернака Цветаевой затрудняют исследование. В недавно вышедшей книге О.Ивинской — прототипа Лары в романе "Доктор Живаго" — "В плену у времени"¹⁴ рассказывается о том, как ценил Пастернак Цветаеву — она оставалась для него самым любимым поэтом. В свою очередь, Цветаева только Пастернака и Рильке считала равными себе "по силе всей плюс силе поэтической".¹⁵

С другой стороны, неизбежная задача критиков — сопоставить М.Цветаеву с А.Ахматовой: в читательской памяти и признательности они стоят рядом: очень разные по своему стилю,

обе женщины-поэты, каждая по своему, отразили эпоху. Известен великолепный цикл стихов М.Цветаевой, посвященный А.Ахматовой; хотя между ними и не было тесной дружбы, связи более глубокие и тонкие проявляются при изучении творчества обоих поэтов. Кроме того, сохранилось несколько писем М.Цветаевой к А.Ахматовой¹⁶, говорящих о духовной близости двух поэтов, пережившей все физические испытания. В 1961 году А.Ахматова подтвердила это своим стихотворением "Нас четверо",¹⁷ которое прозвучало, особенно после смерти Б.Пастернака, как бы продолжением Пастернаковского: "Нас мало. Нас может быть трое".¹⁸ Неудивительно, что Ахматова, последний поэт поколения Цветаевой и Пастернака, поделила свое чувство принадлежности к этому меньшинству, ибо все они были "у жизни немножко в гостях", потому что творили нечто более значительное и более ценное, чем повседневная жизнь - "заложники Вечности" в конце своего пути протянули друг другу руки..

Никакие расстояния, государства, границы не могут препятствовать духовному общению и пониманию поэтов, так как сущность поэта - понятие вне-временное и над-государственное: немец Рильке, француз Рембо также близки М.Цветаевой, как и русские Пастернак и Блок. Поэтому неудивительно, что в русской Цветаевой "вита" германский дух - Цветаева не только впитала культуру другого народа, но и строила свой неповторимый мир, свой "Интернационал" - не третий, а вечный, - в котором Музыку

чувствовала Германией, любовь - Францией, тоску - Россией".¹⁹
Цветаева оттого и не могла принадлежать только одному течению,
настолько далека была она от провозглашения какой бы то ни
было догмы. Ибо с высоты своего духа Марина Цветаева видела
другие высоты, с которыми не враждовала, а мирно "соседство-
вала" на широтах Свободы и Вечности.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

1. Вл. Орлов: "Вступительная статья к "Избранным произведениям". Москва-Ленинград, 1965, стр. 5.
2. М. Цветаева: "Проза", Нью-Йорк, 1953, стр. 7.
3. Там же, стр. 355.
4. Так охарактеризовала М. Цветаева безусловно близкую ей ритмику Вл. Маяковского. Очень часто можно сказать то же самое о поэзии Цветаевой.
М. Цветаева: "Эпос и лирика современной России".
"Новый град", № 6-7, 1933, Париж, стр. 72.
5. М. Цветаева: "После России", Париж, 1928, стр. 152.
6. М. Цветаева: "Поэт о критике". "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971, стр. 614.
7. Ф. Степун: "Предисловие к "Прозе М. Цветаевой"", Нью-Йорк, 1953, стр. 8.
8. В одном письме "Критику" [А. Бахраху] Цветаева писала:

Я никогда не поверю в "прозу", её нет,
я её ни разу в жизни не встречала, ни кончика
хвоста её. ... Мне ничто не примелькалось! -
Этна - потому, что сродни, куры - потому, что
ненавижу, даже кастрюльки не примелькались,
потому что их: либо ненавижу, либо не вижу.

"Письма Марины Цветаевой", "Новый мир", № 4,
1969, стр. 194.

- Ю. С.Маршак посвятил М.Цветаевой одно стихотворение, вошедшее в его сборник "Избранная лирика" 1963 г. В нем есть такие строки:

Пусть безогляден был твой путь
Бездомной птицы - одиночки.
Себя ты до последней строчки
Успела родине вернуть.

- II. Е.Евтушенко: "Воспитание поэзией". "Избранные произведения в 2-х томах". 1975, Москва, стр. 9.

Между прочим, Е.Евтушенко откликнулся одним очень интересным стихотворением на смерть М.Цветаевой, в котором есть такие строки:

...Бабушка, страшно мне в сенцах и комнате.
Мне бы поплакать на вашем плече.
Есть лишь убийства на свете - запомните.
Самоубийств не бывает вообще.

Отрывки этого стихотворения приводятся в книге О.Ивинской "В плену у времени". Париж, 1978, стр. 189.

12. В интервью, данном Н.Струве, Солженицын сказал следующее:

... С Цветаевой познакомился сравнительно недавно. Её у нас достать почти невозможно было...

"Вестник Р.Х.Д.", № 120, 1977, Париж - Нью-Йорк-Москва, стр. 157.

13. В своей статье "Поэт и время" М. Цветаева, тоскуя по настоящей публике, пишет ...

... И еще: мои русские вещи, при всей моей
уединенности, и волей не моей, а своей,
расчитаны на множества.

... В России, как в степи, как на море,
есть откуда и куда сказать.
Если бы давали говорить.

М. Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен,
1971, стр. 624.

14. О. Ивинская: "В плену времени", Годы с Б. Пастернаком. Choisy-le-Roi, Librairie Arthème Fayard, 1978.

Насколько были близки духовно Пастернак и Цветаева, говорит тот факт, что Ивинская, прекрасно знающая поэзию обоих поэтов, поместила на последней обложке книги стихотворение М. Цветаевой как принадлежащее Б. Пастернаку — из неопубликованных ...

Можно предположить, что стихотворение "Магдалина" Цветаева переслала Пастернаку в одном письме, а после утери переписки Пастернак восстановил по памяти это стихотворение, отсюда — изменение стилистики и два небольших разночтения. Это стихотворение не вошло в советские сборники, а книги "После России", где оно опубликовано, возможно, у Ивинской не было.

15. Марина Цветаева: "Письма Ю. Иваску", "Русский литературный архив", Нью-Йорк, 1956, стр. 222.

16. Смотрите: "Письма М.Цветаевой", "Новый мир", № 4, 1969, стр. 190-191.

М.Цветаева: "Неизданные письма", Париж, 1972, стр. 53-61.

17. А.Ахматова: "Нас четверо", "Воздушные пути, III", Нью-Йорк, 1963, стр. 9.

Встреча М.Цветаевой с А.Ахматовой состоялась только в 1940 году. О ней рассказал организатор этого свидания В.Е.Ардöv в журнале "Грани", № 76, 1970.

Судя по воспоминаниям Ахматовой, эта встреча не была единственной. Прогулки по Москве с М.Цветаевой воспеты в стихотворении "Невидимка, двойник, пересмешник":

... Мы с тобою сегодня, Марина,
По Москве полуночной идем,
А за нами таких миллионы...

18. Б.Пастернак: "Стихотворения и поэмы", Москва - Ленинград, 1965, стр. 200-201.

19. М.Цветаева: О Германии. "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971, стр. 474-475.

БИБЛИОГРАФИЯПРОИЗВЕДЕНИЯ М.И.ЦВЕТАЕВОЙ

1. М. Цветаева: "Проза", Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.
2. М. Цветаева: "Мой Пушкин", Советский писатель, Москва, 1967.
3. М. Цветаева: "Версты", Выпуск I, Госиздат, Москва, 1922.
4. М. Цветаева: "Лебединый стан", Сборник, Мюнхен, 1957.
5. М. Цветаева: "Неизданное". Юношеские стихи. Театр. Имка-Пресс, Париж, 1976.
6. М. Цветаева: "Стихотворения". Бранда Букс. Сборник.
7. М. Цветаева: "Неизданные письма", Имка-Пресс, Париж, 1975.
8. М. Цветаева: "Избранные произведения", Библиотека поэта, Москва-Ленинград, 1965.
9. М. Цветаева: "После России", Имка-Пресс, Сборник, Париж.
10. М. Цветаева: "Ремесло", Сборник, Геликон, Берлин, 1922.
11. М. Цветаева: "Вольный проезд", Воспоминания, "Современные записки", XXI, Париж, 1924.
12. М. Цветаева: "Чорт", "Современные записки", LIX. Париж, 1935.

13. М.Цветаева: "Дом у старого Пимена", "Современные записки", LIV, 1934.
14. М.Цветаева: "Эпос и лирика современной России", Вл. Маяковский и Б.Пастернак, "Новый град", Париж, VI - 1933.
15. М.Цветаева: "Шарлоттенбург", "Звезда", Москва, 1970.
16. М.Цветаева: "Мундир", "Звезда", Москва, 1970.
17. М.Цветаева: "Лавровый венок", "Звезда", Москва, 1970.
18. М.Цветаева: "Башня в плуше", "Звезда", Москва, 1970.
19. М.Цветаева: "Жених", "Звезда", Москва, 1970.
20. М.Цветаева: "Фортуна", Пьеса. "Современные записки", XIV, XV, Париж, 1923.
21. М.Цветаева: "Письма к Розанову и др.", "Новый мир", № 4, 1969.
22. М.Цветаева: "Письма к Р.Гулю", "Новый журнал", LVIII, Нью-Йорк, 1959.
23. М.Цветаева: "Письма к Ходасевичу", "Новый журнал", № 89, Нью-Йорк, 1967.
24. М.Цветаева: "Письма к Бахраху", "Мосты", № У и УІ, 1960, 1961.
25. М.Цветаева: "Письма к Ю.Ю. и Г.П. Струве", "Мосты", № ІЗ и І4, Мюнхен, 1968.
26. М.Цветаева: "О книге Н.П.Гронского "Стихи и поэмы", "Современные записки", № 6І, Париж, 1936.

27. М.Цветаева: "Кирилловны", "Тарусские тетради", 1961.
28. М.Цветаева: "Царь-девица". Поэма-сказка. Москва, 1922.
29. М.Цветаева: "Молодец". Сказка. Прага, 1924.
30. М.Цветаева: "Несобранные произведения", Мюнхен, 1971.
31. М.Цветаева: "Волшебный фонарь", Москва, 1912.
32. М.Цветаева: "Письма Ю.Иваску", "Русский литератур-
ный архив", Нью-Йорк, 1956.
33. М.Цветаева: "Из книги "Земные приметы", "Воля
России", 1-П, Прага, 1924.
34. М.Цветаева: "Письма А.Тесковой", Прага, 1969.

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ М.ЦВЕТАЕВОЙ

1. С.Карлинский: "Marina Cvetaeva. Her Life and Art", Беркли, Калифорния, 1966.
2. М.Слоним: "О Марине Цветаевой", Новый Журнал, № 100 и № 104, Нью-Йорк, 1971.
3. И.Эренбург: "Марина Цветаева". В книге "Портреты русских писателей", Wilhelm Fink. Мюнхен, 1972.
4. Вл.Орлов: "Сильная вещь — поэзия". Вступительная статья к книге М.Цветаевой "Мой Пушкин", Советский писатель, Москва, 1967.
5. Вл.Орлов: "Марина Цветаева. Судьба. Характер. Поэзия". Вступительная статья к "Избранным произведениям", Библиотека поэта, Москва — Ленинград, 1965.
6. Ф.Степун: "Предисловие к книге М.Цветаевой". "Проза", Нью-Йорк, 1953.
7. Ю.Иваск: "Благородная Марина". Вступительная статья в сборнике "Лебединый стан", М.Цветаевой, Мюнхен, 1957.
8. Б.Пастернак: "Три тени". В "Автобиографическом очерке", "Проза", 1915-1958 г. Ann Arbor, 1961.
9. К.Паустовский: "Лавровый венок". Простор, Алма-Ата, № 10, 1965.

10. Л. Толстая-Лебединская: "Воспоминания". Журнал "Сибирские огни", № 4, 1965.
11. Е. Извольская: "Тень на стенах", Опыты, Ш. Нью-Йорк, 1954.
12. Е. Извольская: "Поэт обреченности". "Воздушные пути", Ш, «Нью-Йорк», 1963.
13. В. Иванов: "Поэзия М. Цветаевой". "Тарусские страницы", Калуга, 1961.
14. Р. Гуль: "Цветаева и её проза". "Новый журнал", XXXУП, Нью-Йорк, 1954.
15. Г. Струве: "Цветаева". В книге "Русская литература в изгнании", Нью-Йорк, 1956.
16. К. Величковский: "Переписка М. Цветаевой с А. Штейнгером". Опыты 5, Нью-Йорк, 1955.
17. Ю. Иваск: "Цветаева-Маяковский-Пастернак", Новый журнал, № 95, 1969.
18. О. Чернова-Колбасина: "О Марине Цветаевой". Мосты, № 15, 1970.
19. Н. Еленев: "Кем была Марина Цветаева", Грани, XXXIX, 1958.
20. Т. Забежинский: "Вулканическая бунтарка". Современник, УІ. Торонто, 1963.
21. К. Бальмонт: "Марина Цветаева". Современные записи, УП, Париж, 1921.
22. В. Вейдле: "Цветаева - до Елабути" в книге "О поэтах и поэзии". Париж, 1973.

23. В.Вейдле: "Проза Цветаевой". Опыты, № 4, Нью-Йорк, 1955.
24. Г.Струве: "Марина Цветаева". Русская мысль, Париж, март 1963, июнь, август, сентябрь 1969.
25. О.Раевская-Хьюз: "Б.Пастернак и М.Цветаева". Вестник РСХД, № 100, Париж.
26. Г.Адамович: "Дом у старого Пимена". Современные записки, № 15, 1934.
27. О.Святополк-Мирский: "Молодец". Современные записки, XXUP, Париж, 1926.
28. Е.Федотова: "Письма М.Цветаевой к Т.П.Федотову". Новый журнал, LXII, Нью-Йорк, 1961.
29. А.Цветаева: "Из прошлого". Новый мир, I. Москва, 1966.
30. О.С.Мирский: Женская поэзия. М.Цветаева. В книге "Histoire de la littérature russe". Fayard, 1969.
31. A. Filonov Gove: "The Feminine Stereotype and Beyond: Role Conflict and Revolution in the Poetics of Marina Tsvetaeva". Slavic Review, №. 3, 1977, p. 125.
32. С.Кардинский: "Новое издание стихов Цветаевой". Новый Журнал, № 84, Нью-Йорк, 1966.
33. I.A. Taubman: "Two Female Voices in a Poetic Quartet". Russian Literature Triquarterly, №. 9, 1974, pp. 355-367.

34. I.A. Taubman: "History of a Friendship". Russian Literature Triquarterly, N°. 2, 1972.
35. Ieva Vitins: "Escape from Earth: A Study of Tsvetaeva's Elsewheres". Slavic Review, N°. 4, 1977, p. 645.
36. В.Швейцер: "Памятник Пушкину". "Новый мир", 2, 1968.
37. П.Антокольский: "Книга М.Цветаевой". Новый мир, № 4. 1966.
38. А.Эфрон: "Страницы воспоминаний". "Звезда", Москва, № 3, 1973 и № 6, 1975.
39. Г.Струве: "Письма М.Цветаевой А.Тесковой". "Русская мысль", № 2742 - 2751, Париж, 1969.
40. В.Чирикова: "Костер Марины Цветаевой". "Новый журнал", № 124, Нью-Йорк, 1978.